М. И. Зеленский

М. В. Фрунзе
в Иваново-Вознесенском районе в 1917 году

ОГИЗ — ИВГИЗ — 1947

М. И. ЗЕЛЕНСКИЙ
КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

М. В. ФРУНЗЕ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОМ РАЙОНЕ В 1917 ГОДУ

★

ОГИЗ
Ивановское областное
государственное издательство
1947

Под редакцией *С. И. Никишова*

I. ВОЗВРАЩЕНИЕ М. В. ФРУНЗЕ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИЙ РАЙОН

В истории подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции в ряду славных имен: Молотова, Ворошилова, Дзержинского, Орджоникидзе, Кирова, Кагановича, Куйбышева, Ярославского, сыгравших под руководством Ленина и Сталина выдающуюся роль в свержении власти буржуазии и установлении советского строя в нашей стране, стоит и имя Михаила Васильевича Фрунзе, „одного из самых чистых, самых честных, самых бесстрашных революционеров нашего времени“ (Сталин)[1]. С именем Фрунзе неразрывно связана подготовка Великой Октябрьской социалистической революции в Минском и Иваново-Вознесенском районах, в которых протекала его деятельность в период от февраля к октябрю.

Февральская буржуазно-демократическая революция застала Фрунзе в Белоруссии, где он с 1916 г. под фамилией „Михайлова“ стоял во главе подпольной революционной организации с центром в Минске и имевшей отделения в X и III армиях Западного фронта.

До августа 1917 г. Фрунзе работал в Минске, был одним из руководителей революционного движения, организатором Минского Совета рабочих депутатов и Советов крестьянских депутатов в Белоруссии, председателем Совета крестьянских депутатов Белоруссии и членом фронтового комитета армий Западного фронта. Он сыграл огромную роль в завоевании на сторону большевиков рабочих и крестьян Белоруссии и солдат Западного фронта, среди которых пользовался большим влиянием и авторитетом.

В августе 1917 г. Фрунзе уехал из Минска в Иваново-Вознесенский район, где и протекала его деятель-

---

1 Сталин и Ворошилов. „Фрунзе“, Партиздат, 1938 г., стр. 3.

ность до января 1919 г., до отъезда на Восточный фронт.

Переезд Фрунзе из Минска в Иваново-Вознесенский район произошел после VI съезда большевистской партии, который „нацелил партию на вооруженное восстание, на социалистическую революцию“, когда Центральный Комитет партии большевиков в целях подготовки и проведения вооруженного восстания в стране осуществлял расстановку своих сил в решающих районах восстания.

Исходя из положения Маркса, что „восстание есть искусство“, Ленин после VI съезда партии наметил и разработал план вооруженного восстания. До Московского государственного совещания Ленин считал, что восстание должно начаться с выступления рабочих и солдат Петрограда. После того, как „стачка в Москве 12 августа доказала, что активный пролетариат за большевиками...“, Ленин уже писал, что „...Москва теперь... приобретает или может приобрести значение центра“, что восстание может начаться с Москвы[1].

От этой мысли Ленин не отказался и после ликвидации корниловской авантюры. В письме Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому Комитетам РСДРП, написанном 12—14 сентября, Ленин, поставив решительно вопрос о взятии большевиками государственной власти, писал: „Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства... Взять власть сразу и в Москве, и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим безусловно и несомненно“[2].

Руководствуясь указаниями Ленина, Центральный Комитет обращает внимание на подготовку восстания в Питере и прилегающих к нему районах как Финляндия, а также в Москве и ее области, которая в 1917 г. объединяла 14 губерний центрально-промышленного района.

Считая, что восстание может начаться в Москве (с областью), вождь партии придавал большое значение

---

1 Ленин. Собр. сочинений. Изд. III, т. XXI, стр. 91.
2 Там же, стр. 194.

тому, чтобы обеспечить руководство этим восстанием людьми, вполне понимавшими значение лозунга взятия большевиками власти: „Поэтому, — писал Ленин в письме Центральному Комитету 18—19 августа,—сугубо важно и стократ важно, чтобы в Москве руководили движением подходящие люди, вполне понявшие и продумавшие этот лозунг"[1].

Центральный Комитет партии, во исполнение этого совета Ленина, направляет в Московскую область группу видных большевиков, в том числе М. В. Фрунзе. В связи с этим же указанием Ленина надо рассматривать постановку и обсуждение на пленуме Московского Облбюро Центрального Комитета РСДРП(б), состоявшемся в августе, после VI съезда партии, вопроса „Об усилении кадров работников Облбюро".

По предложению узкого состава Облбюро Фрунзе должен был находиться на работе в Москве, в Облбюро, но ввиду возражения и настойчивой просьбы Иваново-Вознесенского Окружкома о том, чтобы Фрунзе находился в Иваново-Вознесенском районе, пленум ограничился решением: снестись по этому вопросу с Иваново-Вознесенским Окружкомом[2].

В дальнейшем Облбюро согласилось с доводами Иваново-Вознесенского Окружкома и нашло целесообразным пребывание Фрунзе на работе в Иваново-Вознесенском районе, в состав которого в 1917 г. входили Шуйский уезд, Владимирской губернии, Кинешемский и часть Юрьевецкого и Нерехтского уездов, Костромской губернии, с промышленными центрами: Иваново-Вознесенск, Шуя, Вичуга, Родники, Тейково, Середа, Кохма и др.

Иваново-Вознесенский район в 1917 г. являлся промышленной и пролетарской базой Владимирской и Костромской губерний, которые представляли один из решающих районов в победе вооруженного восстания.

Со времени первой русской революции политическим центром этих губерний стал заштатный город Владимирской губернии — Иваново-Вознесенск, очаг текстильной промышленности, имевший богатые революционные традиции.

---

1 Ленин. Собр. сочинений. Изд. III, т. XXI, стр. 92.
2 Партархив МК ВКП(б), ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 57.

О значении этого района в подготовке к победе вооруженного восстания можно судить по следующему:

1. Владимирская и Костромская губернии являлись промышленными губерниями, в которых было сосредоточено большинство текстильных предприятий России. По общему числу промышленных предприятий Владимирская губерния стояла на третьем, а Костромская губерния на четвертом месте, после Московской и Петроградской губерний[1].

2. Во Владимирской и Костромской губерниях находился большой отряд пролетариата России, имевший богатый опыт революционной борьбы.

В обеих губерниях в 1917 г. насчитывалось 302 249 рабочих и работниц, из них 205 001 во Владимирской и 97 248 в Костромской губерниях. И по числу рабочих Владимирская губерния занимала третье, а Костромская губерния—четвертое место после Московской и Петроградской губерний[2].

3. На территории Владимирской и Костромской губерний в 1917 г. были расквартированы десять запасных полков, входивших в состав 41-й пехотной запасной бригады, и две пешие дружины. Хотя численный состав запасных пехотных полков часто изменялся, все же каждый полк насчитывал 7—10 тысяч человек.

Таким образом, можно считать, что общая численность войсковых частей, расположенных на территории Владимирской и Костромской губерний, достигала 70—100 тысяч человек[3].

Рабочие и солдаты двух указанных губерний вместе составляли армию около 400 тысяч человек. Вполне понятно, что такая армия в момент восстания могла сыграть крупную роль; идя за большевиками, она могла бы оказать большую помощь москвичам в борьбе за установление советской власти. Поэтому в Иваново-Вознесенский район,—как основной и решающий район

---

1 „Статистика труда". Журнал, орган Наркомтруда, 1919 г. № 5—7, стр. 13.

2 Там же. В Московской и Петроградской губерниях в 1917 г. насчитывалось: в первой — 411 070 рабочих, во второй — 277 876.

3 Центральный Государственный Военно-исторический архив (ЦГВИА), фонд 7917, пп. II, дело 33, л. л. 31, 33, 34, 66.

Владимирской и Костромской губерний,—для подготовки масс к восстанию был направлен виднейший большевик, хорошо известный рабочим района по революции 1905—1907 гг., товарищ „Арсений“ — М. В. Фрунзе.

Еще находясь в Минске, Фрунзе после Февральской революции восстановил связь с большевиками и рабочими Иваново-Вознесенска и Шуи. Они просили своего любимого „Арсения“ вернуться к ним на работу.

Вот что рассказывает по этому поводу член Шуйского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. А. И. Зайцев:

„От Шуйского уезда на первый Всероссийский съезд крестьянских депутатов был послан солдат Борисов. Вернулся он со съезда и говорит нам: „На съезде, в президиуме, был Михайлов, который разыскал меня как представителя от Шуйского Совета и очень интересовался Шуей“. На наш вопрос: „Какой он из себя?“ Борисов ответил: „Побольше среднего роста, смуглый, хороший оратор“. Думали, кто это такой? Аникин, участник революции 1905—1907 гг. в Шуе, говорит: „А не Фрунзе ли? Давайте пошлем телеграмму“. Я сажусь и строчу телеграмму: „Если Вы наш шуйский Арсений, то рабочие Шуи просят Вас приехать“. Дня через два получаем ответную телеграмму, в которой говорилось, что „это—я самый, Арсений, приеду“[1].

Дни революции шли, а Фрунзе все же не приезжал.

3 августа правление Иваново — Кинешемского областного профессионального союза текстильщиков приняло решение немедленно направить М. В. Фрунзе-Михайлову телеграмму с приглашением на работу в Иваново-Вознесенск[2].

В то же время Иваново-Вознесенский Окружком РСДРП(б) телеграфно настаивал на скорейшем прибытии Фрунзе в Иваново-Вознесенский район[3].

9 августа Фрунзе, тепло встреченный большевиками и рабочими, прибыл в Иваново-Вознесенск.

---

1 Воспоминания А. И. Зайцева. (Записано мной. М. З)
2 Ивгосархив, ОФОРСС, фонд 730, д. 5, л. 5.
3 Ивоблпартархив, ф. 1, д. II, л. 8.

II. ВЫБОР МЕСТА РАБОТЫ

Возвращаясь в Иваново-Вознесенский район, Фрунзе, казалось, должен был избрать местом работы Иваново-Вознесенск, как главный центр политической жизни района. А он решил избрать местом работы г. Шую и ее уезд.

Позднее Фрунзе писал: „Крепко спаянный с районом старыми традициями по работе 1905 и 1906 гг., я приехал сюда еще в конце августа 1917 г. с Западного фронта, где под фамилией Михайлова работал нелегально с весны 1916 г., после моего бегства из Сибири. По соглашению с Иваново-Вознесенским Комитетом нашей партии я избрал местом работы второй по значению промышленности центр района—г. Шую с ее уездом"[1].

Объясняется это не только и не столько тем, что в Шуе хорошо помнили товарища „Арсения" и просили его быть в Шуе, а тем, что этого требовали интересы партии. Фрунзе, в плане подготовки рабочих и солдат Иваново-Вознесенского района к восстанию, придавал Шуе серьезное значение как важному пункту.

Шуя с ее уездом занимала после Иваново-Вознесенска первое место по числу предприятий и рабочих не только в Иваново-Вознесенском районе, но и во Владимирской и Костромской губерниях. В Иваново-Вознесенске в 1917 г. было: предприятий текстильной промышленности 23 с 29 тысячами рабочих, предприятий металлообрабатывающей, химической и других отраслей промышленности 16, имевших 1700 рабочих, а всего 39 предприятий с общим числом до 31 тысячи рабочих. В Шуе в том же году насчитывалось предприятий: текстильной промышленности 9, на них рабочих 12 тысяч, предприятий других отраслей промышленности 9, на них рабочих 475, а всего 18 предприятий и 12 475 рабочих. Кроме города Шуи, на территории уезда было расположено 28 фабрик, на которых было занято более 20 тысяч рабочих[2].

---

1 М. В. Фрунзе. Собр. сочинений. Т. I, стр. 519. Госиздат, 1929 г.

2 Список фабрик и заводов и других промышленных предприятий Иваново-Вознесенской губернии. По данным Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 г.

В состав Шуйского уезда, не считая Иваново-Вознесенска, входили такие промышленные пункты, как Тейково, Кохма и др.

Кроме фабрик, на территории уезда с давних пор были развиты мелкие промыслы. По данным уездного земства за 1916 г. разного рода „кустарные“ промыслы имелись в 279 селениях уезда, в них было занято 1190 семейств и 1696 рабочих. Большинство населения уезда (в Шуйском уезде в 1917 г. насчитывалось 160 тысяч человек) было связано с промышленностью и торговлей[1].

Это подтверждается данными о занятии населения уезда, относящимися к 1908 г.

По этим данным насчитывалось:

хозяйств, занятых только земледелием,
1149 дворов, или 7,4%,
хозяйств, занятых в промышленности,
4184 дворов, или 27%,
хозяйств, занятых земледелием и промышленностью,
10211 дворов, или 65,6%,
итого наличных дворов
15544 дворов, или 100%[2].

К революции 1917 г., если и произошли изменения, то в сторону увеличения числа хозяйств, занятых в промышленности, так как и после 1908 г. в Шуйском уезде была тенденция сокращения хозяйств, занятых только земледелием, сокращения площади пашни, потому что крайне низкая производительность земледельческого труда вызывала отлив земледельческого населения в промышленность и вынуждала его рвать окончательно связь с землей.

Рабочие Шуйского уезда представляли значительный отряд русского пролетариата. Вместе с рабочими Иваново-Вознесенска они принимали активное участие в борьбе с царизмом и буржуазией, имели опыт революционной борьбы. Уже с 80 г. XIX ст. в Шуе начинается стачечная борьба рабочих.

Большую роль в классовой борьбе рабочих г. Шуи, в росте их классового сознания сыграл питерский рабочий ткач Федор Афанасьев. Высланный из Петербурга, Федор Афанасьев в 1901 г. приехал в Шую и, по-

1 Ивгосархив, ф. 158, д. 97, л. 64.
2 Фрунзе. Собр. сочинений. Т. I, стр. 50.

ступив ткачом на фабрику Небурчилова, сразу же приступил к созданию политического кружка из рабочих, распространял нелегальную марксистскую литературу, читал рабочим газету „Искра". В 1904 г. им была создана в Шуе большевистская группа РСДРП. Оформление Шуйской парторганизации, рост ее рядов и влияния среди рабочих в 1905—1906 гг. происходит уже под руководством М. В. Фрунзе.

Посланный в 1905 г. Московским Комитетом РСДРП(б) на работу в Иваново-Вознесенский район, Фрунзе сыграл решающую роль в руководстве революционным движением иваново-вознесенских и шуйских рабочих в революции 1905—1907 гг.

В период реакции Шуйская организация РСДРП(б) была царизмом разгромлена и обескровлена. Восстановленная в 1912 г., она к началу второй русской революции не смогла оправиться, что и сказалось на работе среди рабочих и солдат Шуи в первые месяцы революции 1917 г. Лишь с приездом Фрунзе Шуйская организация прочно стала на ноги и добилась под его руководством в короткий срок больших успехов.

В 1917 г. Шуя являлась не только промышленным, но и военным центром. Если в Иваново-Вознесенске был расквартирован один 199 запасный пехотный полк, то в Шуе гарнизон составляли два запасных пехотных полка (89 и 237) и 668 Тамбовская пешая дружина, насчитывавшие в общей сложности около 20 тысяч человек.

Наконец, Шуя являлась административным центром уезда, в состав которого входило 20 волостей.

Крестьянство уезда находилось под влиянием и руководством прежде всего уездного центра, и от того, какой класс, какая партия имели в Шуе преобладающее влияние, в значительной мере зависело политическое настроение крестьян.

Наконец, было еще одно обстоятельство, которое сыграло решающую роль в выборе Фрунзе места работы.

„К моменту моего приезда,—писал позднее Фрунзе, —обстановка в Иваново-Вознесенске и во всем окружающем районе... была следующая. В самом Иваново-Вознесенске, а также и во всех промышленных центрах (Тейково, Кохма, Родники, Середа и пр.) господство

в Советах принадлежало безраздельно нашей партии, не имевшей никаких сколько-нибудь серьезных политических конкурентов. Несколько хуже дело обстояло в Шуе, где довольно сильно сказывалось влияние социалистов-революционеров, успевших прочно осесть в Совете крестьянских депутатов и имевших в своих руках его Исполнительный комитет. В известной мере это же надо отнести и к городскому Совету рабочих и солдатских депутатов, где эсеровское влияние точно так же давало себя чувствовать. Это обстоятельство, между прочим, и сыграло решающую роль в окончательном выборе мною места работы“[1].

„Несколько хуже обстояло в Шуе“ по сравнению с Иваново-Вознесенским и другими промышленными центрами района по следующей причине. Шуя, будучи промышленным центром, однако, по своему характеру, по составу населения отличалась от Иваново-Вознесенска, Тейкова, Вичуги и других промышленных очагов района. По характеристике Фрунзе, Шуя, как уездный центр, была городом, „скорее мещански-буржуазным, чем пролетарским“. В 1913 г. в Шуе было населения 29 707 человек. Они делились по сословиям: дворян 247, духовных лиц 191, почетных граждан 349, купцов 85, мещан 12 049, крестьян 13 788, военных 2 942, иностранцев 56 человек[2].

Наличие значительного слоя буржуазных и мелкобуржуазных элементов являлось базой для появления и деятельности буржуазных и мелкобуржуазных партийных организаций. Если накануне первой русской революции во всем Иваново-Вознесенском районе с его по преимуществу пролетарским населением большевистская организация была „монополистом“, то уже „с весны 1905 г. условия для работы нашей партии в районе несколько изменяются. На сцену политической деятельности выступают представители других социалистических течений — социалистов-революционеров, а несколько позднее — социал-демократов меньшевиков и анархистов... Центром народнического движения становится Шуя. Объясняется это, во-первых, самим характером города, скорее мещански-буржуазным, чем пролетарским, срав-

---

1 Фрунзе. Собр. сочинений. Т. I, стр. 519.
2 Рыжов. „Гор. Шуя и Шуйский округ“. Шуя, 1930 г., стр. 57.

нительным обилием в нем интеллигенции, и наконец, наличием довольно крупных сил с народническим мировоззрением“[1].

После Февральской революции в Шуе проявляют деятельность организации и группы четырех партий: большевиков, меньшевиков, эсеров и кадетов.

Почвой и базой для существования и деятельности трех последних являлись не только мещанско-буржуазные элементы г. Шуи, но и буржуазно-кулацкие элементы сел и деревень уезда.

Промышленный характер уезда не исключал наличия в нем сильной крестьянской буржуазии. Ленин отмечал, что в промышленных губерниях (Владимирская, Костромская, Московская, Рязанская), как и в окраинных губерниях (Самарская, Таврическая, Черноморская), крестьянская буржуазия была „сильнее, чем в большинстве губерний России“[2]. В отличие от окраинных сельскохозяйственных губерний в промышленных губерниях центра богатство крестьянской буржуазии заключалось не в земледелии, а в промышленности и торговле. Это особенно относилось к Шуйскому уезду, в ряде волостей которого (Васильевская, Дуниловская и др.) богатство крестьянской буржуазии составляли разного рода промышленные и торговые заведения. Так, в Васильевской волости в 1917 г., кроме бумаготкацкой фабрики Болтушкина, на которой было занято 303 рабочих, насчитывалось 64 торгово-промышленных заведения, в числе которых были: мыловаренный завод, 14 овчинных заведений, 6 бритальных заводов, 3 механические мукомольные мельницы, и т. д.[3].

В составленных, в апреле 1917 г., списках лиц сельского состояния волостей Шуйского уезда, имеющих право быть избранными в присяжные заседатели на 1918 г. по „Положению о земских учреждениях 1890 г.“, в ряде волостей значились исключительно владельцы промышленных заведений и торговцы. Так, в Афанасьевской волости из 10 человек, имевших право быть избранными в присяжные заседатели, было: владельцев войлочных заведений 2, овчинных 2, шубных 1, сапожных 1, мельниц 1, фабрикантов 1, торговцев 1, клееваров 1.

1 Фрунзе. Собр. сочинений. Т. I, стр. 511,
2 Ленин. Собр. сочинений. Т. XXI, стр. 253.
3 Ивгосархив, ф. 1900, д. 7, л. л. 16—17.

В Пупковской волости из пяти, имевших право быть избранными в присяжные заседатели, были: два торговца, фабрикант, лесопромышленник и „мясник“[1].

После победы Февральской буржуазно-демократической революции буржуазно-кулацкие элементы и интеллигенция г. Шуи и уезда проявляют политическую активность, создают политические организации и захватывают в свои руки власть в уезде и волостях.

В это время в г. Шуе возникает группа партии кадетов („Народной свободы“). Организаторами и руководителями кадетской организации являлись деятели уездного земства и Городской думы —помещик председатель Городской думы Романов, ветеринарный врач Невский и др.

В состав организации входили: инженеры и бухгалтеры торгово-промышленных предприятий, земские врачи, учителя гимназий, представители духовенства и др[2]. Фабриканты и управляющие их предприятиями, не входя в кадетскую организацию, оказывали на ее деятельность решающее влияние. Организационным центром фабрикантов Шуи и ее уезда являлось созданное ими вскоре после Февральской революции „Шуйское общество фабрикантов и заводчиков“.

После победы Февральской революции кадеты держали в своих руках Городскую думу и уездную земскую управу, они же создали „Шуйский уездный исполнительный комитет общественной безопасности“, который назначил уездным комиссаром Временного правительства кадета Невского.

На средства общества фабрикантов и заводчиков кадеты издавали газету „Шуйские Известия“.

В Шуе захватить власть кадетам помогли эсеры и меньшевики. Говоря о последних, следует отметить, что меньшевики в Шуе представляли ничтожную группу, имевшую влияние лишь в первое время после Февральской революции. Зато эсеры создали довольно сильную организацию, располагавшую крупными силами. В состав организации эсеров входили служащие земства, представители интеллигенции, кулацкие элементы, а

---

1 Ивгосархив, ф. 158, д. 33, л. л. 102—103, 140—141.
2 Ивгосархив, ф. 158, д. 11, л. л. 166—167.

также некоторые рабочие и работницы шуйских предприятий[1].

Если принять во внимание, что рабочие и работницы Шуи и работающие на фабриках уезда в большей своей части (60%) в той или иной мере были связаны с деревней, с землей, то будет понятным наличие в организации эсеров рабочих и работниц. Этим же объясняется и тот факт, что эсеры в Шуе, особенно в первый период после Февральской революции, имели влияние среди части рабочих. Тем более они должны были иметь и имели влияние в волостях и селах уезда, где база у них была шире и прочнее.

Однако при всех благоприятных условиях, которые сложились после Февральской революции для оживления деятельности эсеров, они не могли бы иметь большого влияния на рабочих Шуи, если бы большевистская организация не была обескровлена и ослаблена теми репрессиями и арестами в период между двумя революциями, в результате которых она лишилась своих руководителей и лучших кадров.

О доверии основной массы рабочих большевикам говорит тот факт, что с победой революции председателем Совета рабочих и солдатских депутатов был избран большевик Малахий Белов[2]. Но в силу своей малочисленности (в первые дни Февральской революции в Шуйской организации насчитывалось 25 человек), организационной слабости и теоретической неподготовленности кадров, Шуйская организация большевиков не могла широко развернуть агитации и пропаганды среди рабочих, а в своей деятельности допускала политические ошибки (об отношении к войне, Временному правительству и др.).

---

1 Ивгосархив, ф. 158, д. 11, л. л. 168—169.

2 В Шуе с марта по июнь был единый Совет рабочих и солдатских депутатов. Начиная с 4 июня, действовал двуединый Совет: для обсуждения вопросов, касающихся солдат и офицеров гарнизона, был образован Совет солдатских депутатов, а вопросы, касающиеся рабочих, решал Совет рабочих депутатов. В Совет солдатских депутатов входили 10 представителей от рабочих, а в Совет рабочих депутатов 10 представителей от солдат. Для решения общих вопросов назначались общие собрания Совета рабочих и солдатских депутатов. „Шуйские Известия" № 45, 6 июня 1917 г.

Слабостью большевистской организации и воспользовались эсеры, располагавшие сравнительно крупными силами.

В руках эсеров был уездный Совет крестьянских депутатов. Вместе с кадетами они заправляли в уездном Исполнительном комитете, а также в уездном земстве и Городской думе после их „демократизации".

Оказывали эсеры влияние на солдат гарнизона и Совет солдатских депутатов, а также и на работу Совета рабочих депутатов.

Влияние эсеров стало ослабевать, а большевиков усиливаться с приездом в Шую из ссылки ряда большевиков, особенно с возвращением Волкова И. П. Рабочий, член большевистской партии с 1906 г., И. П. Волков был активным участником революции 1905—1907 гг. в Шуе. Арестованный в 1908 г., Волков был осужден и сослан в Якутию, на Лену, где его и застала Февральская революция. Вернувшись в Шую, Волков возглавил большевистскую организацию.

При помощи Московского Облбюро и Иваново-Вознесенского Окружкома РСДРП(б) Шуйская организация под руководством Волкова окрепла, выросла и повела борьбу с эсерами и меньшевиками, завоевывая на свою сторону массы и большинство в Совете рабочих и солдатских депутатов. К первой конференции РСДРП(б) Иваново—Кинешемского округа, состоявшейся 14 июня 1917 г., Шуйская организация насчитывала в своих рядах уже 218 человек[1].

На Областной конференции РСДРП(б) в Москве 21 июля докладчик от Шуи отмечал, что „наблюдается приток новых членов", и что организация в период между Окружной и Областной конференциями выросла с 218 до 350 членов. О росте ее влияния на массы говорил тот факт, что в июльские дни на улицах Шуи под большевистскими лозунгами демонстрировало около 16 тысяч человек[2].

И все же к приезду М. В. Фрунзе в Иваново-Вознесенский район эсеры еще имели влияние среди части рабочих, солдат и тем более среди крестьян уезда.

1 Ивановский облпартархив, ф. 1, д. 4, л. 7.
2 Ивановский облпартархив, ф. 1, д. 4, л. 16.

В отличие от прошлого, теперь эсеры, в связи с ростом революционных настроений среди масс рабочих, солдат и крестьян, чтобы окончательно не потерять влияния в массах, в значительной своей части перестроились и превратились в „левых“, которые, как говорил докладчик от Шуи на Московской Областной партийной конференции, „резко против нас не выступают“.

Это обстоятельство как будто облегчало положение большевиков, а в то же время усложняло: чтобы обеспечить безраздельное руководство и окончательно изолировать эсеров от масс, необходимо было повысить уровень партийной работы, располагать теоретически подготовленными кадрами, способными разоблачать не только эсеро-меньшевиков, но также соглашательство, колебания и шатания „левых“ эсеров.

А Шуйская организация большевиков, хотя и имела в своих рядах 350 членов партии, но в подавляющем большинстве это были молодые члены партии, теоретически неподготовленные. Нарастание же событий требовало от большевиков охвата всей массы рабочих и солдат и развертывания работы среди крестьян уезда.

Организация серьезно ощущала недостаток в подготовленных пропагандистских и агитаторских кадрах. Докладчик от Шуи на Областной партийной конференции 21 июля 1917 г. это выразил словами: „работа идет слабо ввиду отсутствия агитаторских сил“[1].

Слабость большевистской организации стремились использовать в своих интересах не только эсеро-меньшевики, но и все контрреволюционные элементы.

В начале августа 1917 г. значительно ухудшилось продовольственное положение промышленных центров Владимирской губернии. Съезд Владимирского губернского продовольственного комитета 8 августа телеграфировал Министру продовольствия: „Владимирская губерния на краю пропасти. Продуктов нет. Иваново-Вознесенские рабочие три дня без хлеба. Сто восемьдесят тысяч населения накануне бунта“[2].

В день посылки из Владимира телеграммы Министру продовольствия в Шуе черносотенцы устроили погром продовольственной управы и избиение членов управы.

1 Ивановский облпартархив, ф. 1, д. 4, л. 16.

2 „1917 год в Иваново-Вознесенском районе. Хроника событий“, Изд. „Основа“. Иваново-Вознесенск, 1927 г., стр. 180.

Произошло это в момент приезда Фрунзе в Иваново-Вознесенский район. Ориентируясь и анализируя обстановку в районе, он пришел к выводу, что в Шуе, по сравнению с другими промышленными центрами района, обстоит дело „несколько хуже“, что она является слабым звеном, тогда как в плане подготовки вооруженного восстания имеет серьезное значение.

В то время как в Иваново-Вознесенске большевистская организация была сильной и располагала такими кадрами, которые могли обеспечить безраздельное руководство массами и в Совете рабочих и солдатских депутатов, Шуя, хотя там и была проведена большевиками серьезная работа по завоеванию масс, все же еще не являлась такой крепостью большевизма, как Иваново-Вознесенск. Превращение Шуи в крепость большевизма имело не только то значение, что рабочие, солдаты и крестьяне Шуйского уезда составили бы единую армию с иваново-вознесенцами в решительной схватке с буржуазией, но и то, что это положительно сказалось бы на Владимире и Костроме. Оба эти города, являясь административными центрами губерний, были по своему характеру мещански-буржуазными. Промышленность в них, особенно во Владимире, была развита слабо. Наличие значительного слоя буржуазных и мелкобуржуазных элементов, интеллигенции являлось базой для кадетов, эсеров и меньшевиков, которые играли здесь заметную роль.

В плане же подготовки восстания в Московской области Владимир и Кострома, первый в особенности, занимали важное место, так как в них находились крупные гарнизоны воинских частей. Во Владимире были расквартированы два запасных пехотных полка и пешая дружина, в Костроме—два запасных пехотных полка. Все эти полки входили в состав 41 запасной пехотной бригады, в которую входили также 89, 237, 199 полки, расквартированные в Шуе и Иваново-Вознесенске.

Полки 41 бригады объединяло не только единое командование, но и бригадный комитет солдатских депутатов, находившийся во Владимире, где был расположен и штаб бригады.

Имея на своей стороне 89, 237 и 199 полки и опираясь на них, большевики могли оказывать свое влияние и на другие полки бригады. Особенно важно было

иметь в этом отношении на своей стороне 25-тысячный гарнизон г. Владимира.

Таковы обстоятельства, которые сыграли решающую роль в выборе Фрунзе места работы, когда он приехал в Иваново-Вознесенский район с целью подготовки и проведения восстания.

III. М. В. ФРУНЗЕ В ШУЕ

13 августа 1917 г. в кадетской газете „Шуйские Известия", в отделе „Хроника", была помещена небольшая заметка под заголовком „Приезд Арсения", в которой говорилось: „В пятницу 11 августа с десятичасовым поездом из Иванова прибыл в Шую М. В. Фрунзе („Арсений"). Ко времени прихода поезда у вокзала собралась огромная толпа, для которой т. Жиделев произнес речь, длившуюся около часа, после чего все под звуки „Марсельезы" направились к клубу рабочих. Вчера фабрики были остановлены, так как на Ильинской площади состоялся митинг при участии т. „Арсения"[1].

Автор сухой, носящей протокольный характер заметки умышленно не описал той волнующей встречи рабочими г. Шуи своего любимого вождя, которая имела место. Он также намеренно умолчал о том, что́ говорил и к чему призывал рабочих и солдат Фрунзе, выступая с речами перед ними.

Член Шуйского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. тов. Кукина Е. Д., вспоминая о встрече Фрунзе с рабочими Шуи, пишет: „День был прекрасен. Все зеленело кругом и золотилось на солнце, ласково лившем свои лучи на землю... Вся Шуя и жители деревень вышли встречать М. В. Фрунзе. Улицы были запружены народом. Вот раздался голос Фрунзе: „Товарищи, я снова вернулся к Вам. Десять лет назад меня увозил поезд закованного в кандалы, а теперь я возвратился свободный..." Он говорил о революции, которую совершили рабочие и солдаты под руководством большевиков, о том, что контрреволюция стремится задушить революцию, она организуется—об этом говорит созыв Временным правительством совещания в

1 „Шуйские Известия" № 95.

Москве, призывал рабочих напрячь силы для организации масс и подготовки к неизбежной новой решительной борьбе“[1].

Враги большевистской партии, видя каким авторитетом пользуется среди масс Фрунзе и не решаясь открыто выступать против него, стали, с целью дискредитации большевиков, распространять провокационные слухи, извращая смысл речей Фрунзе и Жиделева.

Через неделю после приезда Фрунзе Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов заслушал доклад начальника милиции о циркулирующих слухах по г. Шуе о том, что будто бы на 25 августа готовится погром фабрикантов рабочими и солдатами, и что последним выдано по 30 патронов для погромов, что к этому призывали приехавшие тт. „Арсений“ и Жиделев.

20 августа в той же газете „Шуйские Известия“ по требованию Совета рабочих и солдатских депутатов была опубликована выписка из протокола Исполнительного комитета Совета, в которой говорилось: „Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов категорически протестует против таких слухов и заявляет, что т. „Арсений“ и т. Жиделев ни к какому погрому не призывали, что могут засвидетельствовать несколько тысяч рабочих и солдат, которые были на митингах возле ст. Шуя и на другой день на Ильинской площади, а также никто из членов Совета к погрому не призывал и не призывает, а посему Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов просит читателей проследить, кто разносит эти слухи, и сообщить Совету или начальнику милиции“[2].

Приезд Фрунзе в Шую явился переломным моментом в жизни и деятельности большевистской организации, Совета рабочих и солдатских депутатов, организаций рабочих.

После первой встречи с рабочими Фрунзе прежде всего ознакомился с состоянием партийной организации. Вспоминая о первой встрече с Фрунзе в Шуе, И. П. Волков писал: „Тов. Фрунзе, поздоровавшись и назвав меня „стариком“, с приветливой улыбкой спросил

1 Архив Шуйского музея им. Фрунзе. Воспоминания Кукиной.
2 „Шуйские Известия“ № 100.

меня: как идут дела, велика ли наша организация и кто в ней состоит и какое наше влияние на массы, за кем идут рабочие? Я ему рассказал в коротких словах обо всем. Через час мы уже сидели и обсуждали вопрос о дальнейшей тактике и работе.

Его приезд сразу всколыхнул рабочих фабрик, а также и тех, кто из старых работников стоял в стороне от работы... Он сразу взял, что называется, в „работу" кого следует, и работа закипела... В короткое время т. Фрунзе сумел поставить нашу организацию и дать ей соответствующее направление, а в таковом мы нуждались"[1].

В другом месте, останавливаясь на значении приезда Фрунзе в Шую, Волков писал, что его приезд завершил дело укрепления рядов большевистской организации и завоевания ею большинства рабочих. „Он своей популярностью и своим прошлым выбил все козыри наших врагов, и все рабочие встали на нашу сторону и шли только за нашими лозунгами"[2].

В Шуе, как и по всей России, после июльских дней буржуазия перешла в наступление на рабочих и их организации, устраивала локауты, стремясь осуществить лозунг Рябушинского: „костлявой рукой голода... схватить за горло демократические Советы и Комитеты".

Шуйское общество фабрикантов и заводчиков 27 июля и 4 августа принимает решения, суть которых по определению общего собрания фабрично-заводских комитетов г. Шуи от 17 августа сводилась к тому, что фабриканты: 1) „не хотят считаться как с Советом рабочих депутатов, а также с фабзавкомами" и 2) „сводят деятельность рабочих организаций к нулю".

Приезд „Арсения", его речи воодушевили рабочих Шуи, от обороны они перешли в наступление. Общее собрание фабрично-заводских комитетов, состоявшееся 17 августа, квалифицировало постановления общества фабрикантов и заводчиков „как контрреволюционные", „что это ничто иное, как фабриканты хотят отнять у нас завоеванную свободу", и заявило, что рабочие не выпустят из рук завоеванной им и свободы, какой бы большой и трудной борьбы это ни стоило, не уступят

---

1 Ивановский облпартархив, ф. 281, д. 365, л. л. 96—97.
2 Ивановский облпартархив, ф. 281, д. 624, л. 6—7.

„ни одного постановления всех рабочих организаций как Совета рабочих депутатов, а также ФЗК и т. д. От имени 12 тысяч рабочих общее собрание фабрично-заводских комитетов заявило: „требуем всю власть народу, а не капиталистам и требуем, чтоб фабриканты подчинялись всем постановлениям рабочих организаций“, которые „будем поддерживать, не останавливаясь ни перед какими мерами“[1]. А эти постановления рабочих организаций шли по линии установления рабочего контроля над производством и торговлей в лавках продовольственной организации общества фабрикантов и заводчиков, увольнения с предприятий контрреволюционеров из числа администрации и служащих, не считающихся с решениями фабрично-заводских комитетов, приема, увольнения и перевода с одной работы на другую рабочих, оплаты рабочих, занятых на общественной работе[2].

Мобилизуя рабочих на борьбу с капиталистами, большевики Шуи под руководством Фрунзе в короткий срок завоевали большинство их на свою сторону. Это показали выборы в Городскую думу, прошедшие в конце августа 1917 г. На выборах в Городскую думу более или менее серьезным противником большевиков могли быть эсеры, среди которых преобладали „левые“, имевшие еще влияние среди части рабочих, солдат, особенно среди крестьян уезда.

Ленин и Сталин в период подготовки Октября считали возможным и допустимым блок большевиков с „левыми“ эсерами при условии гегемонии большевиков.

Большевики Шуи под руководством Фрунзе, руководствуясь указаниями Ленина и Сталина, пошли на заключение блока с „левыми“ эсерами на выборах в Городскую думу, обеспечив за собой руководящую роль. Об этом говорят воззвания к избирателям, выпущенные в период избирательной кампании от имени Совета рабочих и солдатских депутатов. Обращаясь к рабочим, работницам и солдатам, Совет рабочих и солдатских депутатов призывал голосовать за список № 1, „за представителей революционного пролетариата, объединенных в Совете рабочих и солдатских депутатов

1 Ивгосархив, ф. 708, д. 15, л. 919.

2 Ивгосархив, ф. 123, д. 6, л. л. 25—26, 30, 44, 46, 56—57; д. 10, л. 53; д. 42, л. 13.

социал-демократов и социалистов-революционеров (интернационалистов)".

„Список № 1, — говорилось в воззвании, — требует скорейшего окончания войны, протестует против смертной казни, требует всей земли крестьянам, обеспечение рабочих, минимум заработной платы, страхование на случай болезни, инвалидности и безработицы, требует переложения налогов на имущие классы". В другом воззвании большевистский характер платформы блока выступал еще более отчетливо. „Товарищи! Вы должны послать в Городскую думу тех, кто нес знамя рабочих до войны и во время войны и высоко несет его теперь.

Вы должны послать тех, кто все время говорит, что не покладая рук должны мы вести борьбу с буржуазией и ни в какие соглашения не входить, никакой поддержки не оказывать тем, кто расхищает жизнь трудящихся, кто губит миллионы в кровавой бойне, в интересах своей личной наживы и обогащения"[1].

Из пяти списков, фигурировавших на выборах, борьба должна была развернуться между списком № 1 и списком № 4. Этот список был выдвинут кадетами, которые, маскируясь, выступили на выборах под флагом „внепартийной трудовой демократической группы", рассчитывая таким путем уловить голоса мещанских элементов города.

В списке № 1 от большевиков на первом месте стоял М. В. Фрунзе, который 17 августа подал в Шуйскую Городскую управу заявление о согласии баллотироваться при выборах гласных Городской думы по списку № 1.

Фрунзе, по свидетельству Волкова, развил кипучую деятельность. „Он был вездесущ и неутомим, всюду поспевал... Но он еще связан с Минском, ему еще надо покончить дела там. И он от нас уезжает. Выборы проходят без него"[2].

Выборы состоялись 27 августа. „Выборы прошли, — писали „Шуйские Известия" 29 августа, — в образцовом спокойствии, без малейших эксцессов. Из пяти списков кандидатов в гласные серьезно конкурировали только № 1 от Совета рабочих и солдатских депутатов и № 4

1 Ивгосархив, ф. 1605, д. 221/б, л. л. 308—309.

2 Ивоблпартархив, ф. 281, д. 365, л. 97. Воспоминания Волкова.

внепартийной трудовой демократической группы, причем колоссальное большинство записок подано за № 1 хорошо организованными рабочими, пришедшими к „благородному собранию" одной громадной группой всех фабрик, образовавшей очередь почти до моста"[1]. А через два дня та же газета, опять отмечая организованность рабочих, проявленную ими 27 августа, и упрекая уличные комитеты и шуйских обывателей в безразличном отношении к выборам, о результатах выборов сообщала, что из общего числа 10 392 избирательных записок, признанных комиссией правильными, за список № 1 подано 7458, № 2 — 90, № 3 — 104, № 4 — 2614 и № 5 — 124. За список № 1 голосовали рабочие и солдаты. О том, что не только рабочие, но и солдаты в подавляющем большинстве голосовали за список № 1, можно судить по следующему факту: 29 августа состоялись дополнительные выборы для солдат гарнизона, прибывших в Шую после составления избирательных списков: из 936 голосов было подано за список № 1—911[2].

В итоге выборов в число 40 гласных были избраны по списку № 1 — 30, по списку № 4 — 9 и по списку № 5 — 1. Из общего числа гласных большевики имели хотя и „незначительное, но все же абсолютное большинство" (Фрунзе), которое дало им возможность занять руководящие посты в Городской думе и Городской управе.

Выборы в Городскую думу показали, что большинство рабочих и солдат г. Шуи уже было на стороне большевиков. А в дни авантюры генерала Корнилова рабочие и солдаты Шуи доказали, что они по зову большевиков готовы пойти в бой против буржуазно-помещичьей контрреволюции.

С получением сообщения о выступлении генерала Корнилова и телеграфного распоряжения Московского Облбюро Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Шуйский Совет рабочих и солдатских депутатов создал „орган революционного действия" из 8 человек. В „восьмерку" вошли представители большевиков, „левых" эсеров, от солдат гарнизона и уездного Совета крестьянских депутатов. „Восьмерка" установи-

---

1 „Шуйские Известия" № 107.
2 „Шуйские Известия" № 108, 31 августа 1917 г.

ла контроль на почте, телеграфе и железнодорожной станции. Гарнизон города был приведен в мобилизационную готовность.

Собрание Совета солдатских депутатов, состоявшееся 31 августа, обсудив вопрос об отправлении полка против мятежной корниловщины, постановило: „ехать по первому требованию выборных в „восьмерку“, а ввиду общего недоверия солдат к офицерам, в связи с обнаружившейся попыткой некоторых офицеров (Сековича и др.) вести контрреволюционную пропаганду среди солдат и командного состава в пользу генерала Корнилова, Совет солдатских депутатов решил: „Избрать комиссара из „восмерки“[1].

В дни мятежа Корнилова Фрунзе в Шуе не было, он был в Минске, где принял активное участие в организации сил для подавления контрреволюции.

В своей автобиографии М. В. Фрунзе отмечает: „В корниловские дни совместным заседанием фронтового комитета и исполнительного комитета Минского Совета был назначен начальником штаба революционных войск Минского участка“.

О своей „задержке“ в Минске Фрунзе предупредил большевиков и рабочих Иваново-Вознесенского района. „Задерживают события выеду первой возможности“ телеграфировал он в Иваново-Вознесенск областному союзу текстилей и в Шую — Совету рабочих и солдатских депутатов.[2]

Задержкой Фрунзе в Минске попытались воспользоваться кадеты и эсеры, сидевшие в Уездной земской управе, которые, под предлогом, что от Фрунзе нет личного согласия на баллотирование в гласные уездного земства, сделали ему отвод. 5 сентября в адрес Шуйской Городской управы от Фрунзе поступила телеграмма: „Баллотироваться согласен. Буду восьмого-девятого, подробности устно“[3]. Эта телеграмма была ответом на запрос из Шуи, организованный большевиками.

9 сентября Фрунзе был уже в Шуе. В этот день состоялось партийное собрание, на котором было принято решение о превращении партгруппы в самостоя-

---

1 Московский облархив МВД, фонд 683 (Мобюс), оп. 8, св. 19, д. 82. л, 7.

2 Ивгосархив, ф. 1605, оп. 2, д. 221/б, л. 520, ф. 730, д. 49, л. 12

3 Ивгосархив, ф. 1605, оп. 2, д. 221/б., л. 456.

тельную организацию и избран партийный комитет во главе с тов. Фрунзе.

В тот же день Фрунзе выступил с речью по „текущему моменту“ на заседании Совета рабочих и солдатских депутатов. Он говорил: „Товарищи, положение ужасное. Корниловское восстание есть настоящая контрреволюция. Не думайте, что это восстание кучки генералов,—это восстание всех наших буржуев. Все это благодаря нашим гг. министрам во главе с Керенским. Большевики всюду и всегда показывали им их неправильный путь, но они шли вразрез. Все это может исправиться при поддержке демократии тогда, когда власть перейдет в руки Советов рабочих и солдатских депутатов“.[1]

Собранием была принята резолюция, написанная Фрунзе, в духе резолюций Петроградского и Московского Советов от 31 августа и 5 сентября. Это была, по сути дела, первая резолюция Шуйского Совета рабочих и солдатских депутатов, в которой с большевистской решительностью и ясностью была дана оценка политики Временного правительства и эсеро-меньшевистского Центрального исполнительного комитета Советов, поставлена задача завоевания власти пролетариатом и революционным крестьянством, изложена платформа деятельности этой власти и в заключение следовал призыв рабочих и крестьян к решительной борьбе за власть.

С принятием этой резолюции был положен конец колебаниям и шатаниям Совета рабочих и солдатских депутатов в вопросе об отношении к Временному правительству и Центральному исполнительному Комитету Советов. А колебания имели место в дни корниловщины, когда Совет рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию, в которой наряду с призывом к решительной борьбе с контрреволюционными выступлениями, с требованием о роспуске Государственной думы и Государственного Совета и ареста членов их, принимавших участие в заговоре против революции, говорилось: „выражаем полное доверие Центральному Комитету Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и поддерживаем Временное правительство в подавлении контрреволюции“[2].

1 „1917 год в Иваново-Вознесенском районе“, стр. 203—204.
2 „1917 год в Иваново-Вознесенском районе“, стр. 195.

Как известно, Ленин в письме к Центральному Комитету РСДРП 30 августа (12 сентября) предупреждал о недопустимости впадать в беспринципность, не скатываться до поддержки Временного правительства.

„И поддерживать правительство Керенского мы даже теперь не должны. Это беспринципность. Спросят: неужели не биться против Корнилова? Конечно, да!.. Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архи-существенная, и забывать ее нельзя". И далее: „С фразами об обороне страны, о едином фронте революционной демократии, о поддержке Временного правительства и проч., и проч. надо бороться беспощадно, именно как с фразами"[1].

Руководимый М. В. Фрунзе Шуйский Совет, исправив допущенную ошибку, твердо стал на позиции большевистской партии, на путь решительной борьбы против Временного правительства, за завоевание власти пролетариатом и революционным крестьянством.

Собрание Совета рабочих и солдатских депутатов 9 сентября явилось ярким показателем того, каким авторитетом пользовался Фрунзе. На этом собрании он был единодушно избран делегатом на Демократическое совещание и выдвинут первым кандидатом в гласные уездного земства по списку Совета рабочих и солдатских депутатов. При голосовании кандидатов в гласные земства Фрунзе получил „за" 105 голосов при одном воздержавшемся.

Собрание Совета 9 сентября явилось также показателем сплочения рабочих и солдат Шуи вокруг большевиков, вокруг руководителя их М. В. Фрунзе.

Об этом же свидетельствовали собрания рабочих и солдат, на которых выступал Фрунзе. Так, 10 сентября он прочитал лекцию на тему „Современное положение и задачи демократии". Успех лекции, в которой Фрунзе развивал положения резолюции Совета от 9 сентября, был настолько огромным, что даже „Шуйские Известия", политические симпатии которых отнюдь не были на стороне Фрунзе, должны были признать: „Имя лектора и интересная по содержанию и освещению тема прив-

1 Ленин. Собр. сочинений. Т. XXI, стр. 116—119.

лекли очень большое число слушателей-рабочих, солдат и некоторой части интеллигенции. Лекция была выслушана с большим и напряженным вниманием. По окончании ее демократическая аудитория наградила лектора заслуженными продолжительными аплодисментами"[1].

11 сентября Фрунзе выехал в Петроград на Демократическое совещание, но, пробыв там несколько дней, вернулся в Иваново-Вознесенский район. Вместе с Фрунзе вернулся и делегат на Демократическом совещании от Иваново-Вознесенского Совета рабочих и солдатских депутатов — Евсеев.

Возвращение Фрунзе и Евсеева из Петрограда по времени совпало с появлением писем Ленина „Большевики должны взять власть" и „Марксизм и восстание".

В первом письме Ленин писал о том, что наступил момент, когда „... большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки... Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать как агитировать за это, не выражаясь так в печати".[2]

Вопрос о вооруженном восстании, об организации его Ленин с еще большей резкостью ставит во втором письме, адресованном Центральному Комитету партии. Предупреждая большевиков против увлечения демократическим совещанием, Ленин рекомендовал ЦК: „мы должны всю нашу фракцию двинуть на заводы и в казармы: там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического Совещания"[3].

15 сентября при обсуждении в ЦК этих писем Ленина было принято предложение тов. Сталина „разослать письма в наиболее важные организации и предложить обсудить их"[4].

Исходя из указаний Ленина, „Центральный Комитет большевистской партии разослал уполномоченных в Донбасс, на Урал, в Гельсингфорс, Кронштадт, на юго-

---

1 „Шуйские Известия" № № 116, 117.

1 Ленин. Собр. сочинений. Т. XXI, стр. 193—194.

2 Ленин. Собр сочинений Т. XXI, ст). 198.

3 „Протоколы Центрального Комитета РСДРП". Госиздат, 1929 г. тр. 65.

западный фронт и т. д. для организации восстания на местах. Товарищи Ворошилов, Молотов, Дзержинский, Орджоникидзе, Киров, Каганович, Куйбышев, Фрунзе, Ярославский и другие получили специальные задания партии по руководству восстанием на местах... Уполномоченные Центрального Комитета знакомили руководителей местных большевистских организаций с планом восстания и приводили их в мобилизационную готовность для оказания помощи восстанию в Петрограде"[1].

Фрунзе поспешил выехать из Петрограда в Иваново-Вознесенский район, чтобы информировать руководящие партийные кадры района о письмах Ленина и решении Центрального Комитета от 15 сентября. Он должен был спешить, так как ему было хорошо известно, что 17 сентября в Иваново-Вознесенске должна была начать свою работу Владимирская Губернская конференция большевиков, созванная по инициативе Иваново-Вознесенского Окружного комитета РСДРП(б) для обсуждения вопросов, связанных с выборами в Учредительное собрание, 18 сентября должен был состояться первый съезд Советов солдатских депутатов Владимирской губернии, а на 23 сентября был назначен первый губернский съезд Советов рабочих депутатов.

Губернская партийная конференция по докладу о „текущем моменте" приняла резолюцию, требующую „создания власти, опирающейся на пролетариат и беднейшее крестьянство". В порядке подготовки вооруженного восстания конференция заслушала доклады с мест о Красной гвардии. Выяснилось, что в большинстве городов и промышленных центров губернии Красная гвардия находится в периоде организации. Конференция приняла решение „принять все меры к организации Красной гвардии и снабжению ее оружием".

Из докладов с мест выяснилось, что „настроение рабочих во всей губернии большевистское", что после корниловского мятежа „начало укрепляться влияние партии среди крестьянства". „Советы рабочих и солдатских депутатов в губернии почти все на стороне большевиков". Происходит рост партийных организаций. Конференция, наметив ряд мероприятий по развертыванию пропаганды и агитации, особенно среди крестьян,

---

1 „История ВКП(б). Краткий курс". Стр. 196—197.

в связи с предстоящими выборами в Учредительное собрание, выдвинула кандидатов в него от Владимирской губернии, „основываясь на личных качествах кандидатов и на их известность среди широких масс рабочего населения".

Было принято решение выдвинуть кандидатами в депутаты Учредительного собрания: М. В. Фрунзе (Арсения), Самойлова Ф. Н., Жиделёва Н. А., Наумова В. Н., Абельмана Н. С. и др[1].

Первый губернский съезд Советов солдатских депутатов, а вслед за ним состоящийся первый губернский съезд Советов рабочих депутатов обсуждали почти одни и те же вопросы: о власти, о войне, об экономическом положении страны, о борьбе с контрреволюцией, и др. На съездах по всем вопросам повестки дня были приняты большевистские резолюции в духе резолюции Петроградского и Московского Советов от 31 августа и 5 сентября[2].

По основному вопросу повестки дня—о власти, губернский съезд Советов рабочих депутатов принял большевистскую резолюцию подавляющим большинством голосов, а губернский съезд Советов солдатских депутатов—единогласно.

Большевистские резолюции, принятые по всем вопросам на этих съездах, являлись ярким подтверждением вывода Ленина: „большинство народа за нас".

Не только рабочие и солдаты губернии шли за большевиками. После корниловщины возросло влияние большевиков и в деревне. Это показали выборы в волостные и уездные земства губернии, прошедшие в сентябре.

По степени влияния в деревне впереди шли большевики Шуйского уезда, которые добились на выборах в земства больших успехов. До приезда Фрунзе в Шую крестьянство уезда находилось под влиянием эсеров. В их руках был уездный Совет крестьянских депутатов, о позиции которого можно судить по резолюции, принятой им 9 июля, по поводу июльских событий в Петрограде, которые объяснялись „внушением темных сил,

1 „Наша звезда". Орган Иваново-Вознесенского горкома и Иваново—Кинешемского Окружкома РСДРП(б), № 9, 24 сентября 1917 г.

2 ЦГВИА, ф. 7917, оп. II, д. 33, л. л. 13—15. „1917 год во Владимирской губернии. „Хроника событий". Изд. 1927 г., стр. 97—100.

стремившихся к захвату власти через посредство несознательных войсковых частей и рабочих, уклоняющихся от исполнения долга перед родиной... Совет постановил: „выразить Временному правительству, тесно идущему с Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, доверие и поддерживать его всеми возможными мерами“[1]: Состоявшийся 23 июля уездный съезд крестьянских депутатов прошел под эсеровскими лозунгами. В ответ на обращение министра продовольствия Пешехонова о недопущении захвата помещичьих земель съезд постановил: „всякие попытки самовольного захвата земель, как частновладельческих, так и других, не допускать...“[2], а по вопросу о назначении кандидатов в Учредительное собрание съезд принял решение „поддержать свой лозунг: „Земля и Воля“ и голосовать за эсеров“[3].

После ликвидации корниловщины, в Шуйском уезде, как и по всей России, „широкие массы крестьянской бедноты стали все теснее сплачиваться вокруг большевиков. Что касается середняков, колебания которых тормозили развитие революции за период от апреля до августа 1917 г., то они, после разгрома Корнилова, стали определенно поворачивать в сторону большевистской партии, присоединяясь к бедняцкой массе крестьянства“.[4]

Этот поворот дал о себе знать на выборах в волостные и уездное земства. На выборах в волостные земства, происходивших 3 сентября, большевики одержали победу над эсерами в ряде волостей. Так, например, в гласные Ивановского волостного земства было избрано: большевиков 14, меньшевиков 1, эсеров 3, беспартийных 17[5].

При поддержке „беспартийных“ большевики провели своих кандидатов в волостную земскую управу. Такое же положение было в Тейковской и Авдотьинской волостях, где председателями управ были избраны большевики, в первой И. И. Коротков, во второй— Киселев М. С.

---

1 „Шуйские Известия“ № 73, 16 июля 1919 г.
2 „Ивгосархив, ф. 1900, д. 2, л. 117.
3 „1917 год в Иваново-Вознесенском районе“, стр. 172.
4 „История ВКП(б). Краткий курс“, стр. 193.
5 Ивгосархив, ф. 158, д. 15, л. 345.

Более острый характер приняла борьба на выборах в уездное земство, состоявшихся 24 сентября. Весь уезд был разделен на восемь избирательных округов. В гор. Шуе на выборах в уездное земство большевики, как и на выборах в Городскую думу, блокировались с „левыми“ эсерами.

Платформой блока являлась избирательная платформа на выборах в земство — Московского Облбюро РСДРП(б), опубликованная в газете „Социал-демократ“ 22 августа 1917 г. Список „социалистического блока Совета рабочих и солдатских депутатов“, в котором первым значился М. В. Фрунзе, одержал победу над другими списками, из которых более или менее серьезным конкурентом списку „социалистического блока Совета рабочих и солдатских депутатов“ являлся список „внепартийной трудовой демократической группы“ (кадетов). В остальных семи округах, объединявших волости, большевики выдвинули свои списки в трех округах—Тейковском, Авдотьинском и Кохомском, эсеры в одном—Кохомском, кадеты в одном—Дуниловском, где была наиболее сильной буржуазно-кулацкая прослойка[1]. В ряде округов эсеры, не решаясь открыто выдвигать свои партийные списки, стремились протащить своих кандидатов под флагом „беспартийных“, путем выставления списков от волостных Советов крестьянских депутатов, волисполкомов или просто „от крестьян“ той или иной волости или села.

Так было в Тейковском, Авдотьинском и других округах. Но и это не помогло эсерам. В результате выборов большевики в округах, где были выдвинуты их списки, одержали победу. Так, в Тейковском округе, где баллотировались два списка: большевиков и волисполкома (эсеровский), все пять гласных были избраны по списку большевиков, в Авдотьинском округе из шести гласных были избраны четыре большевика и два беспартийных, в Кохомском округе, где баллотировались три списка: большевиков, эсеров и Совета крестьянских депутатов, были избраны в гласные два большевика, один эсер и два беспартийных[2].

Следует отметить, что выборы в уездное земство проходили при значительно меньшей активности кре-

1 Ивгосархив, ф. 158. д. 11, л. л. 171—177, 180.
2 Ивгосархив, ф. 158, д. 11, л. л. 177, 180.

стьян, чем в волостные земства. Если на выборах в волостные земства приняло участие 60—70% избирателей, то на выборах уездного земства из 78108 избирателей пришли к избирательным урнам 27151, т. е. около 35%. Хуже всего обстояло с явкой избирателей в г. Шуе, где из 19 640 человек голосовало только 2780, т. е. меньше 15%[1].

Еще во время выборов в волостные земства были замечены равнодушие и абсентеизм избирателей. Кохомская волостная избирательная комиссия, подводя итоги выборов, на вопрос о затруднениях, возникших при выборах, отвечала: „Абсентеизм и его последствия: необозрение списков, несвоевременная явка, ожидания абсурдные (хлеба, мира) от выборов и т. п.“. Избирательная комиссия другой волости, на вопрос об отношении избирателей к выборам, писала: „в большинстве случаев совершенно равнодушное“[2].

На выборах в уездное земство абсентеизм и равнодушие избирателей проявились в значительно большей мере. Объяснение этому явлению среди широких народных масс России дал Ленин, который на историческом заседании Центрального Комитета 10 октября 1917 г. говорил: „Абсентеизм и равнодушие масс можно объяснить тем, что массы утомились от слов и резолюций“[3].

Массы хотели и требовали „дела“, и в ходе революции они убеждались, что на это способны только большевики, вот почему и на выборах в уездное земство рабочие и крестьяне Шуйского уезда голосовали за большевиков. В результате выборов большевики имели большинство в уездном земском собрании. Их победа на выборах в уездное земство говорила о завоевании на свою сторону большинства крестьян уезда и об изоляции эсеров от масс крестьянства. Эта победа была закреплена на состоявшемся 1 октября уездном съезде крестьян, созванном эсеровским уездным Советом крестьянских депутатов по требованию с „мест“.

На съезде с докладом о текущем политическом моменте выступил председатель Исполнительного комитета уездного Совета крестьянских депутатов эсер Ко-

1 Ивгосархив, ф. 158, д. 12, „Шуйские Известия“ №№ 121, 128 за 17 и 26 сентября 1917 г.

2 Ивгосархив, ф. 158, д. 12, л. 28.

3 Ленин. Собр. соч. Т. XXI, стр. 326.

стин. Поговорив о корниловском восстании, а затем о Демократическом совещании, докладчик обрушился на большевиков, обвиняя их в расколе демократии, и в заключение призывал выразить доверие вновь сформированному Временному правительству. Развернувшиеся по докладу прения показали, что симпатии крестьян на стороне большевиков. По окончании прений были предложены две резолюции: одна—большевиками, другая—эсерами.

Но прежде чем приступили к голосованию, съезд переизбрал президиум. Председателем съезда вместо Костина был избран большевик Волков.

Как ни нервничали эсеры, какие ни устраивали демонстрации, все же была принята большинством в 24 голоса против восьми при трех воздержавшихся резолюция большевиков, в которой выдвигалось требование о переходе всей власти в руки народа, в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. При выборах уездного Совета крестьянских депутатов эсеры также потерпели поражение[1]. В общем, как писала газета „Наша звезда," „на крестьянском съезде в Шуе эсеры совсем провалились"[2].

Таким образом Шуя с ее уездом в сентябре стала также крепостью большевизма, как и Иваново-Вознесенск, игравший ведущую революционную роль в районе. Рабочие, солдаты и крестьяне шли за большевиками, а меньшевики и эсеры были изолированы от масс. Такое же положение было и в других рабочих центрах района, как Родники, Вичуга, Середа.

В сентябре резко изменилась обстановка и в Кинешме. До корниловщины в Кинешме преобладающее влияние имели эсеро-меньшевики, располагавшие крупными силами. Во главе кинешемских эсеров стоял небезызвестный проф. Кондратьев (разоблаченный в 1930 г. как враг народа, главарь „Трудовой крестьянской партии", занимавшейся вредительством в сельском хозяйстве). Эсеро-меньшевики имели большинство в Городской думе и Совете рабочих и солдатских депутатов, в руках эсеров был уездный Совет крестьянских депутатов и уездное земство.

После подавления корниловщины влияние эсеро-меньшевиков среди масс пало, зато возросло и усилилось

1 „Шуйские Известия" № 134, 6 октября 1917 г.
2 „Наша звезда" № 13, 17 октября 1917 г.

влияние большевиков. 12 сентября Кинешемский Совет рабочих и солдатских депутатов впервые принял большевистскую резолюцию в духе резолюций Петроградского и Московского Советов от 31 августа и 5 сентября.

На пленуме Московского Облбюро РСДРП(б) 27—28 сентября докладчик от Кинешмы сообщил: „Корниловские дни дали большевикам преобладание в Совете рабочих и солдатских депутатов. В профсоюзах также преобладают большевики. Большевистскую литературу берут нарасхват. Меньшевикам уже не дают говорить. Настроение в рабочих массах хорошее...“[1].

К Октябрю большевики Кинешмы имели на своей стороне рабочих и 66 запасный пехотный полк, составлявший гарнизон города; заметно возросло влияние большевиков и среди крестьян. Выборы в волостные и уездные земства прошли в усиленной борьбе с эсерами и меньшевиками. В ряде волостных земств большевикам удалось получить абсолютное большинство; из 23 волостей в семи были организованы большевистские фракции. На выборах в уездное земство из 49 гласных прошли 22 большевика и пять сочувствующих им. „В общем в деревне в данный момент настроение определенно большевистское“[2] — говорил докладчик от Кинешмы на Пленуме Московского Облбюро РСДРП(б) 27—28 сентября.

Характеризуя положение в Иваново-Вознесенском районе в сентябре 1917 г., Фрунзе писал: „Выборная кампания в земские и городские самоуправления дала нам бесспорную победу почти по всей линии. В результате ее мы имели: значительное большинство в Городской думе Иваново-Вознесенска, такое же большинство во всех важнейших волостных земских единицах, незначительное, но все же абсолютное большинство, в Городской думе Шуи и такое же большинство в Шуйском уездном земском собрании. При таких условиях партия самым легальнейшим образом к середине сентября 1917 г. утвердилась во всех местных органах власти, заполучив их в свои руки“[3].

Заполучив в свои руки органы власти, большевики Иваново-Вознесенского района во главе с Фрунзе, од-

1 Партархив МК ВКП(б), ф. 1, кор. 1, д. 4, л. л. 97—99.
2 Там же.
3 Фрунзе. Собр., сочинений. Т. I. стр. 520.

нако, понимали, что установление полновластия Советов на местах невозможно без перехода всей власти в руки Советов в центре, в столице, где были сконцентрированы все общегосударственные органы власти, ибо „вся полнота власти требует власти над всей землей, над всеми банками, над всеми фабриками“[1]. А это последнее, после июльских дней, было невозможно без решительной борьбы, без свержения Временного правительства и его органов на местах путем вооруженного восстания.

Перед большевиками района стояла задача: продолжая укреплять и расширять свои позиции, готовить массы к вооруженному восстанию, которое должно было произойти в масштабе всей страны.

Укрепление и расширение позиций большевиков района шло по линии: полной изоляции эсеро-меньшевиков от масс, особенно от масс крестьянства в масштабе губернии, слияния Советов рабочих депутатов с Советами солдатских и крестьянских депутатов и превращения их в органы государственной власти, взятия в свои руки легальным путем органов Временного правительства, проведения ряда мероприятий, направленных на удовлетворение нужд и потребностей широких народных масс.

Осуществление этих задач было неразрывно связано и подчинено главной задаче—подготовке вооруженного восстания, которая проводилась путем внедрения в сознание масс идеи необходимости свержения Временного правительства, убеждения их на своем собственном опыте в правильности лозунгов партии большевиков.

Теперь, когда период мобилизации масс закончился, предстояло развернуть работу по организации штурма.

IV. ПОДГОТОВКА МАСС РАЙОНА К ВОССТАНИЮ

Ленин в письме Центральному Комитету партии большевиков, поставив на очередь дня задачу вооруженного восстания в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства, предлагал большевикам итти на фабрики и в казармы и при этом советовал „обдумать, *как* агитировать за это“. Фрунзе,

---

[1] Ленин. Собр. сочинений. Т. XXI, стр. 268.

выполняя указание вождя и поручение Центрального Комитета партии, вернувшись из Петрограда в Иваново-Вознесенский район, не только информировал руководящие большевистские кадры района и губернии о письмах Ленина Центральному Комитету партии, но и развернул энергичную деятельность по осуществлению задачи, поставленной перед большевиками Лениным. Как и раньше, местом его работы явилась Шуя.

20 сентября в Шуе состоялось первое заседание вновь избранной Городской думы. На этом заседании Фрунзе, избранный председателем Городской думы, выступил с речью и огласил декларацию большевиков.

Декларация начиналась с характеристики положения страны.

„В чрезвычайно исключительное и тяжелое время приходится начинать свою работу новой революционной Думе нашего города. Положение страны, ее состояние финансово-экономическое близко к ужасной катастрофе, преступная авантюристическая политика растоптанного ныне самодержавия, хищничество господствующих классов, дворянства и буржуазии, бросили нас в кровавый водоворот, ужасную войну, продолжающуюся уже четыре года. Все силы страны подорваны, расстроены. Нерешительная политика—политика колебаний существующих до сих пор коалиционных правительств, стремящихся что-то сделать путем примирения непримиримого, объединить пролетарско-крестьянские массы с явно контрреволюционными господствующими классами —дворянством и буржуазией—только усиливает тот кризис, который наблюдается в различных областях нашей жизни.

Только напряжением всех действительно революционных сил, только немедленным принятием решительных мер, как на местах, так и в центре, мы можем выйти из создавшегося невыносимого положения“.

Далее, говоря об условиях работы новой Городской думы, Фрунзе подчеркивает, что „наша работа будет постоянно упираться в общий хаос, в общее неустройство, будет ограничиваться пределами небольших возможностей“; чтобы изменить эти условия, „мы будем решительно поддерживать всеми мерами и сами вести борьбу, которую ведет Российская демократия за организацию однородной власти из элементов истинно-

демократических и действительно революционных. Мы стоим на точке зрения расширения и укрепления революции".

Изложив практические мероприятия новой Думы, направленные в первую очередь на удовлетворение требований широких масс городского населения, рабочего класса и бедноты, в области: продовольственной, жилищной, народного образования и др., Фрунзе закончил заявлением: „Мы считаем необходимым приложить все усилия, чтобы достигнуть в указанном направлении наибольших результатов, но вместе с тем, мы еще раз подчеркиваем, что только с прекращением войны и организацией народной власти создадутся те условия, при которых в полной мере городские самоуправления смогут осуществить свои задачи"[1].

Вслед за Шуйской 22 сентября собралась Иваново-Вознесенская Городская дума, где большевики также огласили свою декларацию, в которой почти дословно был воспроизведен текст декларации, оглашенной Фрунзе на заседании Шуйской Думы 20 сентября[2].

Ленин учил большевиков, что подходящим случаем для агитации среди широких народных масс за „новую революцию" является обсуждение итогов Демократического совещания. Он советовал быть „поближе к массам" и с ними „обсудить в сотнях и тысячах собраний и бесед уроки этого комедийного совещания"[3].

Выполняя указание вождя, большевики Иваново-Вознесенского района, с возвращением Фрунзе из Петрограда проводят многочисленные собрания и митинги, на которых и шла речь об уроках „этого комедийного совещания".

21 сентября в Шуе, в зале дома трудолюбия, М. В. Фрунзе выступил с докладом о Демократическом совещании, который „с напряженным вниманием" был прослушан многочисленными посетителями, а 22 сентября он произнес речь на эту же тему на заседании Совета рабочих и солдатских депутатов[4].

1 Архив Шуйского музея им. Фрунзе.
2 „Наша звезда" № 10; „1917 год в Иваново-Вознесенском районе". Стр. 217—220.
3 Ленин. Собр. сочинений. Т. XXI, стр. 214.
4 „Шуйские Известия" № 124, 21 сентября 1917 г., „1917 год в Иваново-Вознесенском районе", стр. 220.

23 сентября в Иваново-Вознесенке, Шуе и других пунктах района состоялись многочисленные митинги на фабриках и многолюдные демонстрации на улицах под лозунгами „Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов“, „Долой войну“, „Мира, хлеба и свободы“. В Иваново-Вознесенске на состоявшихся митингах „много говорилось о Петроградском Совещании“, а в Шуе на митинге рабочих М. В. Фрунзе на эту же тему сделал доклад. Основная мысль выступавших с речами о Демократическом совещании сводилась к тому, что „никаких надежд на это совещание рабочему классу питать нечего. Основная задача данного времени—это завоевание революционной власти Советами рабочих и солдатских депутатов“[1].

Некоторое время (конец сентября—начало октября) подготовка масс района к восстанию протекала без непосредственного участия Фрунзе, который в последних числах сентября выехал из Шуи в Минск. Находясь в Иваново-Вознесенском районе, Фрунзе в предоктябрьский период связей с Минском не порывал, а минчане продолжали считать его „своим“—на Демократическое совещание Фрунзе был избран и от Минска[2].

Находясь в конце сентября — начале октября в Минске, Фрунзе сыграл большую роль в той подготовке рабочих и солдат Минского гарнизона и всего Западного фронта к восстанию, в результате которой минский гарнизон уже к историческому заседанию ЦК большевиков 10 октября 1917 г., по докладу на этом заседании Я. М. Свердлова, был готов к восстанию и „послать корпус в Петроград“[3].

В Иваново-Вознесенский район Фрунзе вернулся после решения ЦК 10 октября о вооруженном восстании.

По его характеристике обстановка в Иваново-Вознесенском районе в это время была следующая: „Настроение всюду и особенно среди рабочих и солдат было ярко революционное. Советы чувствовали свою силу и действовали в сознании абсолютной неизбежности

---

1 „Шуйские Известия“ № 126; „Наша звезда“ № 11, 2 октября 1917 г.

2 Ивгосархив, ф. 1605, д. 221/б, л. 279. Телеграмма из Минска от 11 сентября, извещавшая Фрунзе об избрании его делегатом от Минска на Демократическое совещание.

3 Протоколы ЦК РСДРП, стр. 99.

окончательного перехода всей власти по всей республике в руки трудящихся. Все только и жили в ожидании соответствующего лозунга из центра. Но так как время шло, а его не было, то движение у нас и во всей Владимирской губернии стало скоро выходить из берегов"[1].

Руководствуясь резолюцией Ленина, принятой на заседании ЦК 10 октября и указанием Московского Облбюро, которое рекомендовало: там, где власть фактически в руках Советов провозгласить ее единственной властью данного города или района,[2] Владимирский губернский съезд Советов, состоявшийся 16 октября, по докладу представителя Облбюро РСДРП(б) без прений принял резолюцию:

„1) Объявить Временное правительство и все партии, его поддерживающие, правительством и партиями измены революции и предательства народа.

2) Считать отныне все Советы Владимирской губернии и их губернский центр (губернский Исполнительный комитет) на положении открытой и беспощадной борьбы с Временным правительством..."[3].

„Таким образом еще до событий 25 октября в Петрограде, мы,—писал позднее Фрунзе,—во Владимирской губернии уже начали атаку коалиционного правительства"[4].

В атаку, которая шла по всему фронту, большевики Владимирской губернии подняли и повели широкие массы рабочих, солдат и крестьян. И удалось это благодаря той работе, которую проделали большевики губернии в сентябре—октябре 1917 г.

Ведя подготовку масс к окончательной схватке с буржуазией, большевики считали главной задачей—поднять на борьбу всю массу рабочих и солдат.

Это осуществлялось через Советы рабочих и солдатских депутатов и профсоюзы путем мобилизации масс вокруг насущных вопросов, которые задевали интересы всех слоев рабочих. Такими вопросами в сентябре—октябре 1917 г. являлись: продовольственный и связанный с ним вопрос о прожиточном минимуме.

---

1 Фрунзе. Собр. сочинений. Т. I, стр. 520.
2 Партархив МК и МГК, ф. 1, оп. 1 д. 6, л. 71.
3 „1917 год во Владимирской губернии", стр. 106.
4 Фрунзе. Собр. сочинений. Т. I, стр. 520.

Положение с продовольствием в районе принимало с каждым днем все более и более угрожающий характер, надвинулся голод.

Начиная с августа, подвоз продовольствия все сокращался и сокращался. В августе средние нормы выдачи хлебного пайка в Иваново-Вознесенске, Шуе и других промышленных городах района колебались от 10 до 18 фунтов. В сентябре и этого не получили. Были случаи, когда рабочие при выходе из фабрик падали, и приходилось их уводить на квартиры под руки[1].

В начале сентября Иваново-Вознесенская продовольственная управа направила в руководящие продовольственные органы телеграмму следующего содержания: „150-тысячное население Иваново-Вознесенска голодает. За последние две недели выдано полфунта ржаной муки, три пшеничной. Производительность фабрик пала до минимума. Скоро фабрики станут. В предупреждение смертных случаев на почве голода выдаемовал, отруби, солод, которые уже израсходовали...“[2] В связи с отсутствием хлеба неимоверно росла дороговизна. А зарплата все падала и падала. Прибавка, которой добились рабочие в мае, была сведена фабрикантами на-нет. В некоторых местах зарплата фактически пала ниже прежней не только благодаря вздорожанию продуктов, но и потому, что фабриканты сознательно стремились уменьшить ее; так, например, вместо хорошего хлопка давали низшие плохие сорта, в результате выработка товара уменьшилась, а с ней уменьшилась и зарплата. Кроме того, некоторые фабриканты пытались остановить фабрики и только благодаря энергичному вмешательству Советов рабочих депутатов фабрики не остановились.

На почве голода начались волнения рабочих, происходили стихийные выступления, а кое-где и погромы. Черносотенцы и прочие контрреволюционеры пытались направить растущее недовольство рабочих против Советов, продовольственных управ и большевиков. Так, в Иваново-Вознесенске 4 октября состоялось многолюдное совещание представителей фабрик, на котором появились местные торговцы-черносотенцы Латышев и

---

1 „Известия Московского Совета рабочих депутатов“ № 183, 10 октября 1917 года.

2 „1917 год в Иваново-Вознесенском районе“, стр. 203.

Куражев, при чем Латышев даже был избран председателем совещания, его называли „товарищем“, а социалистов „господами“. Окрыленные этим, черносотенцы развернули агитацию против Совета и комитетов, призывая к бунту, погрому. Но в ходе совещания большевики разъяснили рабочим, что виновниками надвинувшегося голода являются не Советы, а война, которую ведет буржуазия и Временное правительство, как орган буржуазии. Настроение резко изменилось. Президиум был переизбран. Собрание приняло резолюцию, предложенную большевиками, и участники его разошлись, дав клятву бороться с контрреволюционной агитацией и грудью отстаивать свои рабочие организации.

„Продовольственный вопрос“ стал острым вопросом классовой борьбы и был в центре внимания рабочих, поэтому большевики сделали его орудием мобилизации масс на борьбу за свержение Временного правительства.

Иваново-Вознесенский Совет рабочих и солдатских депутатов на своем заседании 13 октября, обсуждая „продовольственный вопрос“, принял резолюцию, в которой говорилось: „До тех пор мы не выйдем из этого продовольственного тупика, пока окончательно не свергнем буржуазное Временное правительство и передадим власть в руки самого народа, в лице истинной организации, как Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов“[1]. 16 октября в Шуе, с приездом Фрунзе из Минска, созывается объединенное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, представителей фабкомов и Совета крестьянских депутатов для обсуждения „продовольственного вопроса“. Из докладов, писем и речей выступавших ораторов выяснилась картина критического положения с продовольствием в уезде. Выступивший с речью Фрунзе всесторонне осветил хозяйственную и продовольственную разруху в стране и подвел присутствующих к выводу, что „единственное спасение—в передаче власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов“[2].

Организованные большевиками на фабриках митинги рабочих по „продовольственному вопросу“ также принимают резолюции, говорящие о необходимости свер-

1 „1917 год в Иваново-Вознесенском районе“. Стр. 229—230—234.

2 „1917 год в Иваново-Вознесенском районе“, стр. 245.

жения Временного правительства и переходе власти в руки Советов.

Развернув агитацию в массах за свержение Временного правительства, большевики, теперь, когда в порядок дня был поставлен вопрос о вооруженном восстании, ставили своей задачей, чтобы рабочие не только принимали резолюции о переходе власти в руки Советов, но и поднялись на борьбу против буржуазии и ее органа власти—Временного правительства, чтобы на борьбу поднялся не только сознательный пролетариат, а вся масса рабочих, чтобы вместе с сознательным пролетариатом поднялись на борьбу отсталые и колеблющиеся элементы. Поднять и увлечь на борьбу последних было возможно, выдвинув перед рабочими задачу борьбы за экономические требования, за установление прожиточного минимума. Объединить всех рабочих вокруг экономических требований, призвать их к всеобщей стачке, которая неизбежно должна была принять политический характер, так как борьба за экономические требования толкала массы на борьбу за переход всей власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов,—такова была тактика большевиков Иваново-Вознесенского района накануне Октябрьского восстания.

В поголовном подъеме рабочих на борьбу против капиталистов призван был сыграть большую роль профсоюз текстильщиков, объединявший к октябрю 1917 г. 160 тысяч рабочих. Еще задолго до Великой Октябрьской социалистической революции руководство в Иваново—Кинешемском областном союзе текстильщиков перешло в руки большевиков. В правление Областного союза входили такие преданные делу революции старые большевики, как Королев Г. К. Уже в августе, вслед за VI съездом партии, правление Областного союза приступило к подготовке областной стачки текстильщиков. Наиболее интенсивно она развернулась в сентябре—октябре, после сентябрьских писем Ленина ЦК партии о вооруженном восстании.

Активное участие в подготовке и проведении областной стачки текстильщиков принимал М. В. Фрунзе, тесно связанный с Правлением областного союза.

По свидетельству одного из членов Правления союза, Фрунзе в сентябре—октябре участвовал в заседа-

ниях фракции большевиков Правления областного союза, на которых „обсуждался вопрос о коллективном договоре Союза текстильщиков с обществом фабрикантов и заводчиков“ и „подрабатывался вопрос о всеобщей областной стачке“. Фрунзе „горячо высказывался за всеобщую областную забастовку, а также и по всем фабрикам“, увязывая этот вопрос „с подготовкой Октябрьской революции“[1]. Подготовка всех рабочих района к стачке выразилась в том, что еще в конце сентября по всем фабрикам были разосланы на обсуждение рабочих фабрик выработанные тарифной комиссией союза требования фабрикантам.

Рабочие горячо обсуждали, вносили свои поправки, предложения и заявляли о своей готовности добиваться проведения в жизнь намеченных требований.

Рассказывая о митинге по этому вопросу на крупнейшей фабрике в Родниках, Королев писал: „На митинге присутствовали обе смены, более 10 тысяч человек. Долго говорить не пришлось. Когда председательствующий поставил на голосование: кто за поддержку выработанных требований вплоть до стачки— взметнулся лес рук. Те же результаты получились на ивановских, кинешемских, вичужских, шуйских, середских и т. д. фабриках“[2].

Настроение рабочих было таким, что в ряде мест они требовали, чтобы выработанные требования были немедленно предъявлены фабрикантам и в случае отказа была объявлена стачка. Так было, например, в Шуе, где под напором рабочих Совет рабочих и солдатских депутатов, в отсутствие Фрунзе, предъявил обществу фабрикантов и заводчиков требования о повышении зарплаты и др., а с отказом удовлетворить их полностью — с 25 по 28 сентября была проведена забастовка.

Призывая рабочих не допускать сепаратных выступлений, Окружной комитет партии большевиков и Правление областного союза дают указания о дальнейшей подготовке областной стачки: создавать стачечный фонд путем 5-процентного отчисления с зарплаты, выбирать стачечные комитеты и др. Эти указания осуществляются

1 Ивоблпартархив, ф. 281, д. 365, л. 118.

2 Г. Королев „Иваново—кинешемские текстильщики в 1917 г.“ Москва, 1927 г., стр. 36.

на местах Советами рабочих и солдатских депутатов в первых числах октября.

К 10 октября подготовка к стачке в основном была закончена.

11—12 октября происходило объединенное делегатское собрание областного союза текстильщиков, представителей Советов рабочих и солдатских депутатов и районных собраний фабрично-заводских комитетов, на котором было принято решение немедленно предъявить фабрикантам требования, выработанные областной тарифной комиссией.

Имея в виду, что фабриканты могут отвергнуть требования, собрание единогласно постановило поддержать требования стачкой, а для руководства стачкой избрать Центральный стачечный комитет, в состав которого вошли преимущественно большевики.

14 октября требования рабочих были вручены Союзу объединенной промышленности в Москве. В тот же день Центральный стачечный комитет издал манифест и приказ № 1 „Ко всем товарищам рабочим области". Изложив историю борьбы рабочих области с фабрикантами за улучшение условий труда и существования за прошедшие восемь месяцев с момента победы над самодержавием, Центральный стачечный комитет в своем приказе писал, что „настал решительный момент", в случае отказа противника принять требования „мы позовем вас в бой. Каждый миг, каждый час будьте готовы к выступлению. Дисциплинируйте более отсталых... Мы такому сильному противнику должны противопоставить свою организованность и стойкость. В этом залог нашей победы".

Тем временем на местах развернулась работа по подготовке рабочих к выступлению. Эту работу вели организации большевиков, Советы рабочих и солдатских депутатов, местные отделы союза текстильщиков, фабзавкомы, стачечные комитеты.

Фрунзе, вернувшись из Минска, принимает активное участие в подготовке к стачке в областном масштабе и непосредственно руководит подготовкой рабочих Шуйского уезда.

17 октября под председательством Фрунзе состоялось заседание правления Шуйского отдела профсоюза текстильщиков. На заседании был заслушан доклад „о

М. В. ФРУНЗЕ.

положении дел на местах". Как докладчик, так и выступавшие в прениях отмечали, что если на ряде фабрик (Шуйско-Тезинская мануфактура, ситцевая Небурчилова, ситцевая и ткацкая Посылина, завод Толчевского) работа происходит сравнительно неплохо, то на других фабриках эта работа ведется слабо. По предложению Фрунзе было решено провести ряд мероприятий „для более широкого развития дела", как гласит протокольная запись. Постановлено было: 1) назначить на 19 октября в 1 час дня собрание местных фабрично-заводских комитетов; 2) 20 октября в 1 час дня организовать митинг во дворе ткацкой и ситцевой фабрик Посылина и 3) 22 октября в 8 часов утра провести общее собрание коллективов[1].

Начиная с 18 октября, события в районе нарастают с каждым днем. В этот день истек срок для ответа фабрикантов на предъявленные им требования. Не получив к указанному сроку ответа, правление областного союза вечером 18 октября постановило:

1) Объявить стачку, которую разом начать по всей области 21 октября.

2) Послать телеграмму московским и петроградским текстильщикам с просьбой поддержать выступление.

3) Установить по железной дороге контроль над отправкой мануфактуры (командировать туда красногвардейцев, сговорившись на этот счет с железнодорожниками).

4) Для информации о положении дел в связи с готовящимся выступлением послать в Питер и Москву членов Центрального стачечного комитета. 19 октября всем стачечным комитетам была разослана телеграмма, предписывающая „немедленно воспретить вывоз всех изделий из фабрик", поставить пикеты и принять меры к воспрещению вывоза по железным дорогам. Это означало ничто иное, как установление на всех фабриках рабочего контроля. „Рабочий контроль" был лозунгом борьбы за власть. Большевики никак не мыслили его вне основного: диктатуры пролетариата"[2]. И этот основной лозунг борьбы также был дан.

---

1 Ивгосархив, ф. 730, д. 50, л. 99.

2 „История гражданской войны". Т. I, стр. 232.

Вслед за губернским съездом Советов, который бросил низам „практический лозунг отказа от повиновения правительству Керенского и захвата власти“ (Фрунзе) 18 октября в Шуе был созван уездный съезд Советов рабочих депутатов, представлявший 45 552 рабочих и работниц уезда. Основной вопрос повестки дня съезда — вопрос о власти.

По предложению Фрунзе — председателя съезда— делегаты с мест нарисовали картину положения Советов и отношения к ним масс. Все докладчики подчеркивали, что рабочие уезда на стороне Советов, верят только им, добавляя, что „остро стоит продовольственный вопрос“, который усложняет работу, так как контрреволюционные элементы стремятся использовать его для вылазок против Советов.

„Совет является руководителем и единственным начальством местности, но остро стоит продовольственный вопрос“, — говорил делегат Зименковского Совета рабочих депутатов. „Вера рабочих в Совет сильна, но сильным тормозом в работе Совета является продовольственный вопрос. На этой почве бывшими „союзниками“ была сделана вылазка против Советов, но неудачно“, сообщал съезду делегат Ново-Горкинского Совета.

После докладов с мест выступил М. В. Фрунзе. Резюмируя высказанное докладчиками, он говорил: „Всеми докладчиками указывалось на то, что голод усложняет работу Совета. Но какой же выход из создавшегося положения? Задав себе такой вопрос, нам приходится наталкиваться на вопрос о власти. В состоянии ли коалиционное правительство вывести страну из тупика и разрешить все те вопросы, которые выдвигаются жизнью? Пойдет ли настоящее правительство против себя? Нет. Пользуется ли новое правительство доверием широких народных масс? Нет. Единственным выходом из создавшегося положения является передача власти Советам, которые одни могут вывести страну из тупика“.

„В этом последнем пункте, отмечала газета „Шуйские Известия“, сходятся все съехавшиеся и выносится соответствующая резолюция“[1].

---

1 „Шуйские Известия“ № 147, 21 октября 1917 г.

Приняв резолюцию о переходе власти в руки Советов, съезд высказался за немедленное слияние Советов рабочих депутатов с Советами солдатских и крестьянских депутатов и за создание советской власти в уездном масштабе.

Через два дня, накануне стачки, 20 октября состоялись заседания Советов рабочих и солдатских депутатов в Шуе и в Иваново-Вознесенске, прошедшие, как и Шуйский уездный съезд Советов рабочих депутатов, под знаком мобилизации рабочих и солдат района на решительную борьбу с буржуазией и Временным правительством.

На заседании Шуйского Совета рабочих и солдатских депутатов с докладом о „текущем моменте" выступил Фрунзе. В изложении сотрудника „Шуйских Известий" Фрунзе в своем докладе, обрисовав положение в стране, говорил о том, что буржуазия готовит удар по революции; рабочим и солдатам надо серьезно готовиться к отпору; призывал рабочих к единению, „стать во весь богатырский рост и показать свою силу всем тем врагам, которые стараются нас подобрать под тот гнет, под которым мы были долгие годы". Обращаясь к солдатам, говорил, что „солдаты должны поддержать рабочих, солдаты и рабочие должны быть одно целое непобедимое".

Доклад произвел большое впечатление на рабочих и солдат, присутствовавших на собрании. Выступавшие по докладу Фрунзе рабочие и солдаты заявляли о своей готовности дать отпор буржуазии и пойти в бой. Один из солдат, обращаясь к представителям рабочих, просил их дать в полки лучшие силы и предложил создать „организационный орган", который бы по требованию Совета повел полки в бой „организованно и с преданными начальниками".

В заключительном слове Фрунзе, отмечая единодушие рабочих и солдат, предложил: полностью слить Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в единый Совет рабочих и солдатских депутатов, создать боевой центр, боевую организацию, установить строжайшую дисциплину, развернуть агитацию, особенно среди солдат, для чего проводить в каждой роте митинги.

Совет принял резолюцию, предложенную Фрунзе, и в соответствии с принятым решением немедленно ре-

организовал Исполком Совета, в состав которого вошли представители от рабочих и солдат.

От первых было избрано пять человек — все большевики во главе с Фрунзе, от солдат — большевики и сочувствующие им.

На этом же заседании Фрунзе был избран председателем Исполкома и почетным членом Совета рабочих и солдатских депутатов[1].

В тот же день Иваново-Вознесенский Совет рабочих и солдатских депутатов принимает боевую резолюцию в духе резолюции губернского съезда Советов от 16 октября. Тем самым стачечники призывались к политической борьбе против буржуазии, к свержению ее власти; борьба за экономические требования принимала подчиненный характер по отношению главной политической задаче — борьбе за власть Советов, за диктатуру пролетариата.

Теперь, когда лозунг был дан, предстояло поднять на борьбу всех рабочих. Центральный стачечный комитет в 3 часа утра 21 октября разослал на места телеграмму: „Двадцать первого в 10 часов утра начать стачку... Стачку начать митингами на фабриках...“

В то же время Центральным стачечным комитетом издаются и рассылаются: „Приказ № 2 по рабочей армии“ и обращения „К солдатам нашей области“ и „К гражданам Иваново — Кинешемской области“[2].

Приказ начинался словами: „Товарищи! Настал час решительной борьбы“, а кончался призывом: „Под нашу команду: „Сомкнись! Смело в бой, под красные знамена с грозным кличем рабочей Марсельезы!“.

Призывая рабочих к организованности, дисциплине, к точному выполнению распоряжений фабрично-заводских комитетов, Центральный стачечный комитет приказывал: установить рабочий контроль на предприятиях, чтобы „ни одного аршина, ни одного лоскута мануфактуры“ не вывозилось с фабрик без ведома стачечного комитета, чтобы ни один рабочий, ни одна работница без разрешения комитетов не вставали на работу. „Никаких переговоров с предпринимателями.

---

1 „Шуйские Известия“ № 160, 25 октября 1917 г.

2 „Краткая история стачки текстильщиков Иваново—Кинешемской промышленной области“. По подлинным материалам составил Климохин. Кинешма, 1918 г., стр. 17—23.

Все их предложения и объявления в тот же миг срываются и спешно при посредстве районных стачечных комитетов пересылаются в центр. Все приказания Центрального стачечного комитета неуклонно всеми выполняются. Без этого нет победы". Особо было дано указание: „Слабые и малодушные товарищи ободряются и дисциплинируются более сильными и стойкими".

В обращении к солдатам Центральный стачечный комитет, объясняя причины, заставившие рабочих подняться на борьбу, призывал поддержать рабочих. „Мы верим, что товарищи — солдаты с нами и за нас", говорилось в конце обращения.

Такой же характер носило обращение „К гражданам Иваново – Кинешемской области", рассчитанное на привлечение крестьян к поддержке рабочих.

Вспоминая о начале стачки, один из ее руководителей писал: „21 октября утром с волнением ждем наступления десяти часов. Минуты кажутся часами. Весь наш боевой штаб в нервном движении. В мыслях: „а вдруг на наш призыв рабочие не выйдут! Что тогда!". В 9 ½ часов расходимся по ивановским фабрикам для выступления на митингах. Ровно в 10 часов из ворот фабрик с красными знаменами показываются колонны рабочих. Масса направляется на городскую площадь. Тысячные толпы рабочих с революционными песнями окружают трибуну. На знаменах красуются наши большевистские лозунги: „Вся власть Советам", „Долой Временное правительство", „Смерть врагам рабочих". Много лозунгов и экономического характера. На митингах ораторов хоть отбавляй, всем хочется высказать накопившее. То там, то здесь раздается мощное „ура" в ответ на призыв оратора. Митинги кончились,—рабочие расходятся по домам"[1]. Вскоре стали поступать телеграммы из Шуи, Кинешмы, Коврова, Середы и других промышленных центров области, говорящие о том, что стачка началась в 10 часов утра.

Революционная стачка рабочих, охватившая разом предприятия Иваново — Кинешемской области, перебросилась в другие районы, не входившие в состав Иваново—Кинешемского областного союза текстильщиков.

1 Королев „Иваново—кинешемские текстильщики в 1917 г.", стр. 42—43.

22—24 октября к стачке присоединились рабочие фабрик Владимирского, Суздальского, Александровского и Юрьев-Польского уездов Владимирской губернии.

25 октября из Костромы поступила телеграмма: „Союз текстилей заявляет о своей полной поддержке бесстрашно выступивших на открытую борьбу с обнаглевшим и саботирующим капиталом. Правление“.

Таким образом к 25 октября стачка охватила всех рабочих и работниц Владимирской и Костромской губерний. Огромная трехсоттысячная армия рабочих поднялась на борьбу с капиталом. По призыву большевиков ее поддержали солдаты. Фабрики перешли под полный контроль рабочих. Ни один аршин мануфактуры, ни одна вещь не могли быть вынесены или вывезены с фабрики без разрешения фабричного стачечного комитета. Вооруженные рабочие пикеты днем и ночью охраняли фабричное имущество. Ключи от контор, складов и фабричных корпусов находились у стачечных комитетов. Никто не мог войти в фабрику без специального на то разрешения стачечного комитета. Хозяевами предприятий становятся рабочие. По-хозяйски они решают вопросы, относящиеся к предприятию. Ничего не разрушая, строго охраняя фабричное имущество, они, там где это нужно, допускают работу фабрик и цехов и ремонт предприятий.

Фабком и стачечный комитет фабрики Товарищества Шуйской мануфактуры, 21 октября, обсуждая вопрос о стачке, постановили: „в отделениях, где нельзя бросить работу, так как будет порча товара, —продолжать“. Стачечный комитет той же фабрики разрешает произвести ремонт окон ткацкой и ситцевой фабрики до наступления холодов, а группе возчиков дано разрешение „возить хлопок, который пришел на барках“[1].

Общее собрание рабочих и служащих фабрики Ивана Гарелина (Иваново-Вознесенск) 23 октября по вопросу „о работах в отбельной фабрике“ постановило: в целях доработки и сохранения от порчи товара в отбельной фабрике, пущенного перед объявлением стачки, работу в названной фабрике производить при

[1] Ивгосархив, ф. 708, д. 2., л. 37; ф. 708, д. 5, л. 74—75.

обязательном наблюдении со стороны членов стачечного комитета[1].

С самого начала стачки фабриканты оказались бессильны что-либо предпринять против рабочих. Совет Шуйского общества фабрикантов и заводчиков на своем заседании 23 октября, обсуждая присланное Союзом объединенной промышленности из Москвы объявление о том, что в случае, если рабочие через три дня не встанут на работу, то будут уволены, постановил: „Ввиду тревожного времени, не вывешивать, дабы не раздражать массы“[2].

В борьбе со стачечниками фабриканты и их подручные пытались применить тактику раскола рабочих, дезорганизовать их и перетянуть на свою сторону отсталую часть путем вывешивания, минуя Союз текстильщиков, объявлений о прибавке, грозя в противном случае закрыть фабрики. Эти попытки успехом не увенчались. Стачка не шла на убыль, а росла и ширилась. Напуганные ее размахом, фабриканты один за другим покидают насиженные места и бегут в Москву.

Стачка вызвала переполох в кругах фабрикантов всего Московского района. Союз промышленников, объединявший фабрикантов Московского (в том числе и Иваново—Кинешемского) района, а за ним и вся буржуазная печать Москвы уже в начале стачки подняли вопль, расценивая ее как „опасное выступление безответственных организаций“[3]. Союз промышленников обратился к Временному правительству с просьбой „принять самые энергичные и решительные меры к водворению на фабриках Московского района порядка“[4]. Но последнему было уже не до этого — его атаковал петроградский пролетариат.

Всеобщая политическая стачка текстильщиков Владимирской и Костромской губерний по своему размаху и направленности была не обычной и носила не местный характер, а представляла из себя один из революционных потоков того общего мощного революционно-

---

1 „На ленинском пути“. Журнал Иваново-Вознесенского Губкома ВКП(б), 1926 г., № 4. Горелкин „Жизнь и работа фабрики Ивана Гарелина в 1917 г“.

2 Ивгосархив, ф. 123, д. 5, л. 110.

3 „Время“ № 1072, 23 октября 1917 г.

4 „Русское слово“, 21 октября 1917 г.

го потока, который решил судьбу власти буржуазии и помещиков.

В авангарде этого революционного потока — трехсоттысячной армии стачечников — шли иваново-вознесенские и шуйские рабочие, руководимые большевистскими Советами рабочих и солдатских депутатов.

Они задавали тон и указывали путь борьбы рабочим Владимирской и Костромской губерний.

В своей борьбе против капиталистов рабочие переходят от одной формы борьбы к другой, — более высокой. Уже с первых дней политическая стачка перерастает в политическую демонстрацию против власти буржуазии.

23 октября по инициативе Фрунзе в Шуе состоялась многочисленная демонстрация рабочих и солдат. К 12 часам дня на Ильинскую площадь стянулись многотысячные отряды армии рабочих и солдат. Войска вышли в полной боевой готовности с оркестром. Начало манифестации было положено выступлением Фрунзе, который обстоятельно объяснил цели и задачи манифестации и ближайшие перспективы революции. Громким и дружным „ура", заглушая оркестр, многотысячная толпа ответила на призыв любимого вождя тесней сплотиться вокруг своих организаций в борьбе за власть Советов. Около двух часов дня объединенная и воодушевленная единым лозунгом армия рабочих и солдат под звуки оркестра и с революционными песнями двинулась по городу и на другой площади близ городского сада организовала митинг, который закончился принятием резолюции, предложенной Фрунзе.

„Положение страны, — говорилось в резолюции, — становится все более и более грозным. Хозяйство разорено, надвигается голод и спутники его бунты и погромы. Мы, рабочие всех шуйских фабрик и заводов, солдаты гарнизона и граждане г. Шуи, принимая все это во внимание, полагаем:

1) Современная государственная власть в лице Временного правительства и его агентов на местах не в состоянии справиться с надвигающимися бедствиями в силу неспособности решиться на проведение решительной демократической внутренней и внешней политики.

2) Только переход власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как в центре,

так и на местах может помочь народу справиться с надвигающимся кризисом.

3) Ввиду этого мы требуем от Всероссийского Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов решительных шагов в этом направлении и обещаем ему нашу всемерную поддержку"[1].

Грандиозная демонстрация рабочих и солдат смертельно напугала шуйских обывателей.

Перепуганные местные кадеты, после демонстрации, с облегчением вздохнув, писали: „вооруженная манифестация рабочих и солдат, в связи с которой обыватели ждали бог весть чего, прошла мирно"[2].

Демонстрация 23 октября в Шуе была, по характеристике ее руководителей, ничем иным, как „учетом сил" к предстоящей решительной схватке с буржуазией и являлась показателем того, что рабочие и солдаты района готовы подняться на высшую ступень борьбы против своих врагов —вооруженное восстание. Учитывая это, большевики, в соответствии с решением ЦК от 10 октября, развертывают работу по организации боевых сил пролетариата и солдат местных гарнизонов.

По свидетельству Фрунзе, в середине октября, когда Советы Владимирской губернии были объявлены на положении открытой беспощадной борьбы с Временным правительством, „немедленно началась энергичнейшая работа по организации боевых сил для окончательной схватки". Работа эта была в центре внимания Советов рабочих и солдатских депутатов и шла по двум линиям: с одной стороны, происходила организация боевых дружин и красногвардейских отрядов, а с другой, —была усилена работа по подготовке солдат местных гарнизонов к восстанию.

Большевики Иваново-Вознесенска к организации Красной гвардии приступили еще до июльских дней. В дни корниловщины и после нее работа по организации Красной гвардии велась уже во всех основных промышленных центрах Владимирской и Костромской губерний. Но особенно широко эта работа была развернута накануне и в дни Октябрьского восстания. Об этом го-

---

1 Ивгосархив, ф. 1605, д. 2211/б., л.л. 412, 413, 414.
2 „Шуйские Известия" № 149, 24 октября 1917 г.

ворят решения Иваново-Вознесенского, Шуйского, Кинешемского и других Советов рабочих и солдатских депутатов и практическая работа по организации отрядов Красной гвардии.

„В Шуе была организована сильная боевая дружина, в которую вошло до полутораста рабочих"[1]. В Иваново-Вознесенске был уже не один отряд Красной гвардии. Решением Совета от 20 октября был создан штаб и утвержден устав Красной гвардии.

Характерной чертой в росте Красной гвардии накануне Октябрьского восстания являлось то, что если раньше создание и рост отрядов Красной гвардии происходили прежде всего за счет членов большевистской партии, то теперь, в дни подготовки и проведения всеобщей стачки, Красная гвардия растет за счет рабочих-стачечников.

В эти дни кроме отрядов Красной гвардии при Советах рабочих и солдатских депутатов появились отряды красногвардейцев на фабриках. Интересно их возникновение. По приказу Центрального стачечного комитета для охраны фабрик и фабричного имущества устанавливались вооруженные пикеты, для чего создавались „пятки" и „десятки" из числа рабочих. Таким образом на фабриках возникали местные фабричные гарнизоны во главе с „десятниками" и „пяточниками". Так, на фабрике „Товарищества Никанора Дербенева" в Иваново-Вознесенске собрание членов Красной гвардии (12 человек), состоявшееся 18 октября, избрало „десятником местного фабричного гарнизона тайной подачей голосов"—Отяковского, а „пяточником" Зюзина[2]. На фабрике Гарелина в отряде Красной гвардии было 35 человек[3]. На фабрике Кокорева в г. Тезино—17 человек[4]. С созданием „фабричных гарнизонов" Красная гвардия быстро растет, становится массовой организацией и твердой опорой Советов.

Наряду с организацией боевых сил пролетариата шла неустанная работа в гарнизонах Шуи, Иваново-Вознесенска, Владимира, Кинешмы и других городов. В результате этой работы во всех гарнизонах Влади-

1 Фрунзе. Собр. сочинений. Том I, стр. 520.
2 Ивгосархив, ф. 730, д. 8, л. 5.
3 Ивоблпартархив, ф. 281, д. 341, л. 3.
4 Там же, ф. 281, д. 318, л. 30.

мирской и Костромской губерний „фактическими руководителями... были гарнизонные полковые комитеты, каковые были целиком в руках нашей партии“[1]. Так, например, Шуйский Совет солдатских депутатов, 12 октября, обсуждая вопрос о предстоящем губернском съезде Советов и об избрании делегатов на этот съезд, принял решение: „дать наказ — пусть каждый делегат придерживается линии большевиков во всех отношениях“[2].

Неслучайно правительство Керенского еще в сентябре предприняло попытку вывести революционные полки из Владимира и других городов Владимирской губернии. Губернский Совет солдатских депутатов по совету Московского Облбюро ЦК РСДРП(б), куда он обратился с запросом— „подчиниться ли распоряжению Керенского“, отказался выполнить приказ о выводе всего гарнизона из Владимира[3].

Солдаты Владимирской и Костромской губерний были так подготовлены к „бою“, что, как только стало известно о восстании в Петрограде и Москве, гарнизоны Владимира, Шуи, Костромы, Иваново-Вознесенска, Кинешмы, Коврова заявили о своей готовности придти на помощь повстанцам Москвы.

И среди крестьянства этих губерний в сентябре и октябре произошли серьезные сдвиги в сторону большевиков, хотя влияние эсеров было еще значительным.

Если крестьянство Шуйского уезда в своей массе шло за большевиками, то в остальных уездах Владимирской и Костромской губерний положение было несколько хуже—эсеровско-кулацкое влияние на крестьян продолжалось, хотя и не так сильно, как до корниловщины. В этом отношении характерным являлся Владимирский губернский съезд крестьянских депутатов, состоявшийся 5 октября.

На этом съезде по докладу „о текущем моменте“ эсерам удалось протащить свою резолюцию подавляющим большинством голосов (за резолюцию эсеров голосовало 255 человек, за резолюцию большевиков 30 человек). А когда перешли к обсуждению поправок и дополнений к резолюции, то картина получилась иная.

1 Фрунзе. Собр. сочинений. Т. I, стр. 520.
2 Мособлархив. ф. 863, оп. 3, св. 9, д. 101, л. 93.
3 Архив МК ВКП(б), ф. 1, оп. I, д. IV л. л. 97, 108.

Из многих поправок и дополнений, внесенных большевиками, только лишь одна не была принята, при чем была принята главная „поправка“ по вопросу о земле. По предложению большевиков съезд принял решение, что „если правительство Керенского до 15 октября не издаст закона о переходе помещичьих земель в руки земельных комитетов, то этот закон должен издать Владимирский губернский Совет крестьянских депутатов“[1]. Во Владимирской губернии, как и во всей России, накануне Великой Октябрьской социалистической революции „лозунг перехода всей земли стал общим лозунгом крестьян“ (Ленин).

Участились „аграрные беспорядки“ и самовольные порубки помещичьих лесов.

7 октября Владимирский губернский комиссар телеграммой в Петроград сообщал: „В уездах участились самовольные порубки“[2]. Управляющий Васильевским имением графа Шереметева 18 октября жаловался Васильевскому волостному исполнительному комитету Шуйского уезда, что крестьяне заготовляют лес „не только без ведома стражи, но и без ведома управы“, не платят денег. „Все попытки лесной стражи упорядочить заготовку встречают упорный, а иногда и резкий протест“[3].

Наряду с этим в октябре с каждым днем росло число принятых волостными и сельскими собраниями резолюций „за власть Советов“. В одном из номеров большевистской газеты „Социал-Демократ“, в которой в предоктябрьские дни 1917 г. давались „подборки“ под заголовком „Вся власть Советам“, сообщалось, что за переход всей власти к Советам высказались крестьяне сел и деревень Владимирской губернии: Кузьмина, Даниловского, Козмодемьянского, Козлова, Кучек, Маслова, Шетнева, Егоровки, Матвеевки и Терентьева[4].

Граждане Городищевской волости Суздальского уезда 2 октября 1917 г. приняли резолюцию, требующую установления власти Советов, контроля рабочих над производством, передачи всей земли без выкупа крестьянам. Резолюция заканчивалась словами: „Объ-

1 „Голос Народа“. Орган Владимирского Совета солдатских и рабочих депутатов. №№ 124, 125, 14—15 октября 1917 г.

2 „1917 г. во Владимирской губернии“. Стр. 104.

3 Ивгосархив, ф. 1990, д. 4, л. 37.

4 „Социал-Демократ“ № 192, 25 октября 1917 г.

единимся вокруг крестьянских Советов, которые должны итти в ногу с Советами рабочих и солдатских депутатов, защищая интересы бедных"[1]. Опираясь на революционный подъем среди крестьян, большевики добиваются слияния уездных и губернского Советов крестьянских депутатов с Советами рабочих и солдатских депутатов. Однако в предоктябрьские дни лишь в Шуйском уезде большевикам удается осуществить эту задачу.

21 октября в Шуе состоялось под председательством Фрунзе объединенное собрание Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета крестьянских депутатов. Выступив с докладом, Фрунзе подробно осветил положение в стране и сказал, что наступает решительный момент борьбы с буржуазией, которая мобилизует все свои силы и ждет только удобного момента, чтобы нанести удар по рабочим и крестьянам. Спасение страны — в установлении диктатуры пролетариата и мелкого крестьянства. Поэтому Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, защищающие интересы рабочих и крестьян, должны существовать не самостоятельно, а слиться в одно целое.

Собрание единогласно приняло решение „образовать единый Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с одним председателем и по одному товарищу председателя и секретарю от каждой из трех входящих групп".

Председателем был избран Фрунзе. С большим подъемом под пение „Марсельезы" расходились участники собрания, готовые к борьбе за власть Советов[2].

При той обстановке, которая сложилась в Шуйском уезде в октябре 1917 г., большевики во главе с Фрунзе легальным образом берут в свои руки все органы уездной власти.

22 октября по требованию Совета рабочих и крестьянских депутатов состоялось объединенное собрание уездного Исполнительного комитета и представителей Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Основной вопрос повестки дня был: организация уездной власти.

[1] „Голос Народа" № 135, 27 октября 1917 года.
[2] „Шуйские Известия" № 150, 25 октября 1917 года.

Выступив с речью, Фрунзе говорил, что „только та власть будет сильна, которая будет пользоваться широким доверием и авторитетом в широких массах населения рабочих, солдат и крестьян и что такой властью могут быть только Советы, ибо только им обязано государство организацией порядка и спокойствия и сохранением его до сего дня. Сейчас есть два пути: путь военной диктатуры — путь Корнилова... и второй путь - путь диктатуры революционной демократии. Другого пути, промежуточного, нет, он — утопия".

Большинством голосов было принято предложение о недоверии Временному правительству и решено переизбрать уездного комиссара Временного правительства. Этот пост занимал с марта кадет Невский. Кадеты и эсеры при решении вопроса о переизбрании уездного комиссара выступили с протестом против перевыборов, мотивируя тем, что, де, Невский „еще не освобожден от своих обязанностей правительственной властью". Адвокатские речи защитников Невского „пользы не принесли" и собрание 36 голосами против 12 при пяти воздержавшихся избрало нового комиссара-большевика. Вместе с уездным комиссаром „ушел" в отставку и начальник уездной милиции.

После переизбрания комиссара от группы членов Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов поступило заявление с предложением обсудить внеочередной вопрос—о реорганизации газеты „Шуйские Известия". Предложение было принято. Собрание решило избрать новую редакционную коллегию во главе с Фрунзе[1].

По этому поводу „Шуйские Известия", вышедшие еще при старой редакции, писали: „Это совершенно понятно и логично. Когда у власти большевистские Советы, большевистское городское самоуправление, большевистский преимущественно состав Исполнительного комитета и, наконец, большевистский комиссар, может ли продолжаться направление газеты как органа правительственного, явно противное большевизму и его стремлениям"[2].

Пытаясь удержать в своих руках милицию и газету, кадеты бросились за помощью к своим хозяевам—фа-

1 Ивгосархив, ф. 1605, д. 221/б., л. л. 62—63.

2 „Шуйские Известия" № 149, 24 октября 1917 года.

брикантам и землевладельцам. 23 октября местное общество фабрикантов и заводчиков, заслушав сообщение об уходе в отставку уездного комиссара и начальника милиции, о реорганизации газеты и что избрана новая редакционная коллегия, в состав которой „вошли лица крайнего левого направления“, не нашло ничего другого, как потребовать от уездного комиссара вернуть те „большие суммы денег“, которые были внесены обществом на издание газеты и на содержание милиции[1].

Расчет фабрикантов и их приспешников таким путем припугнуть большевиков и заставить их взять свое решение обратно, не оправдался. Чего-либо другого они предпринять против большевиков не могли, так как массы рабочих, солдат и крестьян были на стороне последних. Даже на поддержку интеллигенции и то рассчитывать стало невозможно.

Завоевывая рабочих, солдат и крестьян на сторону большевиков и подводя их к сознанию необходимости свержения Временного правительства, Фрунзе стремился склонить на сторону рабочих и интеллигенцию, в среде которой, в связи с революционным подъемом, происходили колебания.

В ряде своих лекций и выступлений в предоктябрьские дни Фрунзе, обращаясь к интеллигенции, говорил, что она, „продавая свой труд.... не должна быть враждебна рабочему классу“, что труд интеллигенции необходим в переустройстве жизни рабочих, и звал ее пойти вместе с рабочими.

Характерен следующий факт. В день демонстрации рабочих и солдат гор. Шуи, 23 октября вечером, кадет Кохомский читал лекцию на тему: „Учредительное собрание“, на которой присутствовала местная интеллигенция.

После лекции с критикой кадетских установок выступали большевики. Последним выступил М. В. Фрунзе. Не считая нужным полемизировать с Кохомским, он, по сообщению „Шуйских Известий“, „не касаясь лекции, обратился к публике трудовой интеллигенции с призывом итти с рабочим классом рука об руку...“

Выступление имело успех. Даже корреспондент газеты, кратко изложив речь Фрунзе, закончил свою за-

---

1 Ивгосархив, ф. 123, д. 5, л. 110.

метку лирическим замечанием: „Нужно надеяться вместе с М. В. Фрунзе, что его слова глубоко залягут в сердца трудовой интеллигенции и дадут пышные всходы“[1].

Таким образом большевики Шуи во главе с Фрунзе добились того, что широкие народные массы, особенно рабочие и солдаты, были к 25 октября поголовно подготовлены к выступлению против Временного правительства, капиталистов.

Такое же положение было во всем Иваново-Вознесенском районе, который накануне Октября представлял одну из прочных баз социалистической революции.

Большевистское влияние из района разливалось по Владимирской и Костромской губерниям, рабочие и солдаты этих губерний также были подготовлены к решительной борьбе за переход власти к Советам.

Ленин говорил: „Если бы не было поголовного подъема солдат и рабочих, власть никогда бы не выпала из рук ее державших“[2]. Под руководством большевиков во главе с Фрунзе рабочие и солдаты Владимирской и Костромской губерний поголовно поднялись, когда ЦК партии большевиков дал сигнал, призывающий к восстанию против власти капиталистов и помещиков.

V. ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ В РАЙОНЕ И ПОМОЩЬ МОСКВЕ

Днем 25 октября о восстании в Петрограде в Иваново-Вознесенском районе еще ничего не было известно. В Шуе в этот день открылось уездное земское собрание нового состава.

М. В. Фрунзе, приветствуя от имени Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов новое земство, внес предложение первым вопросом повестки дня поставить вопрос „Об организации земской Управы“ (выборы председателя и членов Управы).

Закрытой баллотировкой шарами большинством 30 против 12 голосов (кадетов и эсеров) председателем уездной земской Управы был избран М. В. Фрунзе.

---

1 „Шуйские Известия“ № 145, 19 октября 1917 г., № 150, 25 октября 1917 года.

2 Ленин. Собр. сочинений. Т. XXII, стр. 50.

После решения организационных вопросов заседание земского собрания было прервано до утра 26 октября[1].

В перерыв между заседаниями земства обстановка коренным образом изменилась. Вечером 25 октября в район стали поступать первые вести о свержении Временного правительства. В Иваново-Вознесенске это известие поступило из Москвы в момент, когда происходило заседание Совета рабочих и солдатских депутатов. Неописуемая радость охватила участников собрания Совета, когда Д. А. Фурманов сообщил о только что поступившем известии по телефону о свержении Временного правительства. Пришлось устроить перерыв. После перерыва Совет по предложению большевистской фракции организовал „Временный Революционный штаб" в составе Самойлова, Фурманова, Жугина, Шорохова и Федорова. Штаб немедленно установил свой контроль и караул на почте, телеграфе, междугородней телефонной станции.

В Шуе известие о победе восставших в Петрограде поступило в ночь с 25 на 26 октября из Иваново-Вознесенска и из Петрограда от делегата II Всероссийского съезда Советов от Шуйского уезда большевика Анисимова. С получением радостной вести было созвано заседание Исполкома Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на котором были приняты решения об установлении контроля на телеграфе и телефонной станции, куда был немедленно командирован один из членов Исполкома, и о созыве расширенного заседания Совета 26 октября в 7 часов вечера.

На утреннем заседании земского собрания 26 октября Фрунзе выступил с внеочередным заявлением о том, что по последним сведениям из Петрограда и Москвы борьба между сторонниками перехода власти к Советам и их противниками началась и что земское собрание к этим событиям отнестись хладнокровно не может и так или иначе должно реагировать на них. После выступления Фрунзе слово взял кадет Невский и предложил призвать особым воззванием население г. Шуи и уезда от имени земского собрания к спокойствию и выдержке. Не желая тратить времени на споры, большевики отвергли

---

1 Ивгосархив, ф. 158, д. 8, л. л. 67—81; ф. 1605, д. 224, л л. 14—16, 18

это предложение и внесли от имени Совета внеочередное предложение, чтобы гласные уездного земства приняли участие в совместном заседании Совета со всеми общественными организациями, созываемом для обсуждения „текущего момента“[1].

К 7 часам вечера в помещение „Дома народа“ на объединенное заседание Совета, Городской думы, земского собрания, фабрично-заводских, полковых и ротных комитетов прибыло 235 человек, большинство из них были рабочие и солдаты.

Заседание открыл Фрунзе. Под гром аплодисментов был избран президиум во главе с Фрунзе. Заняв председательское место, Фрунзе огласил ряд телеграмм о последних событиях в столице и произнес яркую речь.

После речи Фрунзе на трибуну поднимались один за другим ораторы, которые приветствовали переход всей власти к Советам и признавали его, как единственный выход из создавшегося положения. Единодушно, при трех воздержавшихся, была принята предложенная Фрунзе резолюция. „Общее собрание Шуйского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов городского и земского самоуправлений, полковых, ротных и всех фабрично-заводских комитетов, заслушав сообщение об открытом выступлении Петроградского гарнизона против Временного правительства, закончившегося переходом власти в руки Советов, постановляет:

1) Приветствуем переход власти в руки Советов, как единственный выход из создавшегося положения, обещая ему всякую поддержку по борьбе со старым контрреволюционным правительством;

2) Образовать местный революционный комитет из пяти лиц...

3) Поручить Революционному комитету заведывание и распоряжение всеми государственными учреждениями города и уезда.

4) Поручить революционному комитету принять необходимые меры по охранению общего порядка и спокойствия в городе и уезде.

Прекратить без разрешения Революционного комитета отправку солдат из частей Шуйского гарнизона в другие города“.

---

1 Ивгосархив, ф. 1605, д. 224, л. л. 11—16.

Тут же состоялись выборы Революционного комитета, получившего название „Революционный комитет пяти“, в состав которого вошли: Фрунзе, Волков, Белов и др.

Закрывая собрание, Фрунзе, обращаясь к присутствующим, говорил: „Наша задача, Революционного комитета, ни в каком случае не допускать никаких посягательств на власть Советов, а ваша обязанность следить за контрреволюционным движением и сообщать Революционному комитету. Нами самым беспощадным образом будут пресекаться в корне всякие попытки и выступления, и, я думаю, это мы все сделаем при вашей поддержке“[1].

Революционный комитет немедленно приступил к работе. Им были приняты и изданы составленные Фрунзе: 1) приказ Революционного комитета по г. Шуе и уезду и 2) Воззвание к населению г. Шуи и уезда. Приказом Революционного комитета население г. Шуи и уезда оповещалось о том, что власть над г. Шуей и уездом вверена Революционному комитету, который заявляет, что „все необходимые к поддержанию порядка и спокойствия меры им приняты. Служащим всех учреждений предписывается оставаться на местах и заниматься текущими делами.

Всякие попытки погромов, контрреволюционных выступлений будут подавляться самым решительным и беспощадным образом“[2].

Опубликованное за подписью Фрунзе воззвание к населению г. Шуи и уезда гласило: „Товарищи и граждане! Наша родина вновь переживает час великого испытания. Старая власть, власть Временного правительства, состоявшая из ставленников помещиков и капиталистов, сметена порывом народного возмущения. В муках и боли рождается новая истинно - народная власть, власть Советов Рабочих, Солдат и Крестьян. Только она способна вывести страну из состояния развала и анархии, только она способна сплотить вокруг себя широкие народные массы на почве программы, выдвинутой рабочими и крестьянами.

---

1 „Маяк“. Орган Шуйского уездного Революционного комитета городского и земского самоуправлений, № 1, 29 октября 1917 г.

2 „Маяк“ № 1.

Товарищи! Рабочий, Солдат и Крестьянин! От тебя зависит успех новой власти. Сплотимся железной стеной вокруг Советов и обеспечим победу новому Правительству государства Российского. Шуйский уездный Революционный комитет, принявший власть в свои руки г. Шуи и уезда, обращается к вам с призывом спокойно и твердо выдержать дальнейшее развитие событий. Меры к охране общественного порядка и спокойствия приняты. Всякие попытки погромов, бесчинств и черносотенных выступлений будут подавлены самым беспощадным образом. Да здравствует власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!"[1].

В то же время Революционный комитет немедленно взял в свои руки склады с оружием и приступил к вооружению рабочих. На снарядный завод с мандатом за подписью Фрунзе была послана делегация Революционного комитета для получения и вывоза обжатых гранат[2]. Было принято постановление о запрещении буржуазной печати. В типографию Лимонова, который саботировал решение Совета от 22 октября и продолжал принимать материал для „Шуйских Известий" от старой редакции, был послан караул с предписанием Фрунзе владельцу ее: не принимать материал для печатания в газете „Шуйские Известия" от старой редакции, а в очередном номере поместить „прилагаемую при сем передовицу".

Передовая „Шуйских Известий" от 27 октября, написанная Фрунзе, гласила: „Жребий брошен... Революционная демократия решилась, наконец, взять в свои руки кормило государственного корабля. Вся полнота государственной власти перешла к Советам рабочих, солдат и крестьян. Борьба еще не закончена. Нет сомнения, что капиталисты и помещики попытаются еще вооруженной рукой отстоять свои позиции. Возможно, что местами им удастся даже повести за собой одураченных ими солдат или казаков. И тем не менее исход борьбы сейчас предрешен. Народ должен победить и он победит. Не легкомыслие, не безответственность, как это кричат буржуазные писаки, толкнули рабочих и солдат к этому решительному шагу. Нет, только

---

1 „Маяк" № 1.

2 Архив Шуйского музея им. Фрунзе.

ясное и полное сознание того, что иного пути спасения для родины нет, — что иначе страна может погибнуть от голода, может захлебнуться в море анархии.

Тяжелая и трудная работа предстоит народу. Надо перестроить почти всю жизнь; перестроить—при явном и скрытом недоброжелательстве всей буржуазии. Но велики и силы народные. За дело же, братья, за дело, товарищи! За дело, рабочий, солдат и крестьянин! Смелою рукою возьмемся за строительство жизни, а в первую очередь — за строительство новой государственной власти. Требуется от всех нас полное спокойствие, выдержка и подчинение голосу руководящих наших органов — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Да здравствует новая революция! Да здравствует Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов! Да здравствует Российская революционная демократия!"[1].

Переход власти к Советам нашел восторженный отклик со стороны рабочих, солдат и крестьян уезда. „Настроение рабочих, крестьян и всего гарнизона превосходное", сообщали московские газеты о Шуе[2].

27 октября общее собрание полкового и ротных комитетов 237 запасного пехотного полка единогласно приветствовало переход власти в руки Советов как единственных представителей народа и выразило надежду, что новая власть при активной поддержке народа приведет страну к миру, Учредительному собранию и устранит невыносимую разруху.

Пункт третий принятой резолюции гласил: „всецело доверить Совету рабочих и солдатских депутатов и беспрекословно исполнять все его требования"[3].

На следующий день — 28 октября — состоялось гарнизонное собрание Совета солдатских депутатов (солдатская секция Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов), полковых и ротных комитетов и офицеров гарнизона. На этом собрании обсуждался ряд

---

1 „Шуйские Известия" № 152. С 29 октября уездный Революционный комитет стал выпускать вместо „Шуйских Известий" газету „Маяк".

2 „Социал-демократ" № 198; „Известия Московского Совета рабочих депутатов", № 202, 2 ноября 1917 г.

3 ЦГВИА, ф. 7917, оп. Д, д. 33, л. 94.

вопросов в связи с „текущим моментом“ и в первую очередь резолюция, вынесенная накануне общим собранием 237 запасного пехотного полка.

Собрание постановило: „присоединиться к резолюции, вынесенной 237 полком, и принять меры по проведению в жизнь активной поддержки Советов“[1].

Проводя митинги и собрания рабочих и солдат, Революционный комитет „пяти“ сразу же принял меры к оповещению крестьян уезда о переходе власти к Советам путем, с одной стороны, распространения „Воззвания“, а с другой, — посылкой в волости и села активных работников, агитаторов и пропагандистов. И уже через два дня стали поступать от крестьян резолюции о признании и поддержке новой власти. Так, 29 октября в Сергиевской волости состоялось заседание волостного Совета крестьянских депутатов, на котором было оглашено воззвание Шуйского уездного Революционного комитета, а затем предоставлено слово представителю уездного Исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Борисову. Последний произнес продолжительную речь о „текущем моменте“ и призвал к поддержке новой власти, власти Советов. Речь оратора была покрыта рукоплесканиями. После выступления ряда крестьян было принято постановление: „признать и поддерживать новую власть — власть Советов рабочих, солдат и крестьян“[2].

Вспоминая о первых днях Октябрьской революции в Шуйском уезде, Фрунзе писал: „Известие (о переходе власти к Советам. М. З.) было восторженно встречено широкими массами и быстро распространилось всюду. Не помню ни одного случая протеста или недовольства со стороны каких бы то ни было групп. Все противники переворота из числа интеллигенции и городского мещанства не могли бы слова сказать против при том настроении, какое имело место в народе. Разумеется, переворот в Шуе произошел без пролития капли крови, без единого выстрела...

Саботажа со стороны чиновничества, столь резко проявившегося в Питере и Москве, у нас почти не

---

1 „Маяк“ № 5, 4 ноября 1917 г.

2 Ивгосархив, ф. 1605, д. 221/б., л. 89.

наблюдалось. Правда, среди почтово-телеграфных служащих были некоторые намеки на это, но все это моментально было пресечено, и в общем весь аппарат местного управления продолжал работу без всякого перерыва"[1].

Попытка саботажа со стороны почтово-телеграфных служащих, имевшая место в Шуе, Иваново-Вознесенске и других пунктах Владимирской губернии, проявилась 28 октября, в день, когда Рябцеву в Москве удалось захватить почтово-телеграфный узел, когда „нейтральный" Викжель[2] и почтово-телеграфный союз забрасывали провинциальные города Московской области множеством вымышленных провокационных сообщений о ликвидации советской власти в Москве, требовали не подчиняться Советской власти и организовать с ней борьбу.

Эти „сообщения", поступавшие в Шую, задерживал и передавал в Революционный комитет его контроль на телеграфе.

Эсеро-меньшевики из числа служащих на телеграфе повели контрреволюционную агитацию среди почтово-телеграфных служащих против контроля со стороны Революционного комитета над приходящими известиями политического характера и добились того, что последние объявили стачку.

Как только об этом стало известно Революционному комитету, по инициативе М. В. Фрунзе немедленно было создано собрание почтово-телеграфных служащих. Открыв собрание, Фрунзе поставил перед собравшимися вопрос: почему они забастовали и чего они хотят? Они ответили,—что не хотят работать с большевиками и требуют снятия контроля Революционного комитета с почты и телеграфа. Тогда Фрунзе произнес речь, в которой говорил о недопустимости забастовки и что Революционный комитет, взявший на себя ответственность за сохранение спокойствия и порядка в городе, не допустит распространения всяких, идущих отовсюду, часто ложных и провокационных слухов, и предложил стачку прекратить и приступить к работе. В заключе-

---

1 Фрунзе. Собр. сочинений. Т. I, стр. 521—522.

2 Викжель—Всероссийский Исполнительный комитет работников железнодорожного транспорта.

ние он объявил, что Революционный комитет дает им на размышление для ответа десять минут.

Во время перерыва Фрунзе устроил совещание с членами Революционного комитета, „на котором было решено, что если откажутся продолжать работу, то объявить о взятии их под стражу...“ „Но,—как отмечает в своих воспоминаниях член Революционного комитета Волков,—к нашему счастью никого не пришлось задерживать, так как, поразмыслив, почтово-телеграфные служащие согласились продолжать работу. После этого инцидента один из почтовых работников мне рассказывал, что на них оказал сильное влияние М. В. своей речью. После его доводов они не сочли нужным противостоять и продолжать саботаж“[1].

Так легко и безболезненно прошли великие октябрьские дни в Шуе, потому что широкие народные массы были подготовлены к переходу всей власти к Советам. „Точно так же дело обстояло и в Иваново-Вознесенске и во всех отдельных пунктах района...

Не только у нас,—писал Фрунзе,—но и во Владимире, Коврове, Муроме и других городах Владимирской губернии переворот произошел абсолютно безболезненно и новая власть была принята, как нечто совершенно очевидное и неизбежное“[2]. При всем этом большевики не упивались успехами, они понимали, что полновластие Советов на местах, без победы социалистической революции в Петрограде и Москве, не может удержаться. Ведь „Ленин всегда подчеркивал в статьях и письмах накануне Октября, что политическую судьбу народа, судьбу всей страны решает прежде всего победа революции в Петрограде и Москве“[3].

Это лучше и глубже, чем кто-либо другой из большевистских руководителей Владимирской и Костромской губерний, понимал Фрунзе. Поэтому он считал, что перед большевиками этих губерний стоит задача не только быстро и безболезненно обеспечить принятие массами перехода власти к Советам „как нечто совершенно очевидное и неизбежное“, но и оказать в момент восстания, если потребуется, помощь рабочим Петрограда и Москвы.

---

1 Ивоблпартархив, ф. 281, д. 365, л. 100.
2 Фрунзе. Собр. сочинений. Т. I, стр. 521.
3 „История гражданской войны“. Т. II, стр. 47.

Он зорко следил за развитием событий в Петрограде и Москве.

Из Петрограда шли вести утешительные, а из Москвы стали поступать тревожные сигналы.

Вспоминая об этом, Фрунзе писал: „Прошел день, другой. Из Москвы стали поступать тревожные известия. К нам попало, между прочим, несколько телеграмм за подписью командовавшего тогда войсками Московского военного округа—эсера Рябцева с приказом войсковым частям двигаться на Москву для подсавления „вспыхнувших там большевистских беспорядков“, так гласила телеграмма“[1].

Еще 26 октября в Шую поступила телеграмма за подписью Рябцева, адресованная Начальнику гарнизона, в которой говорилось: „роту украинцев надлежит перевести Москву. Распоряжение о перевозке сделано“[2].

Интересно то, что эта телеграмма была передана из Москвы в Шую дважды. Первый раз она была подана из Москвы 25 октября в 1 час по правительственному проводу, а второй раз была подана 26 октября 0 час. 26 минут, но уже не по правительственному, а по железнодорожному проводу с Николаевского вокзала. Кроме указанного выше текста, на этой телеграмме имеется пометка „передать обязательно по железнодорожному проводу распоряжение Викжеля“[3]. Эти две телеграммы Рябцева, одного и того же содержания, если не считать пометки на второй телеграмме, показывают: во-первых, что Рябцев, как только ему стало известно о начавшемся восстании в Петрограде, стремясь предупредить восстание в Москве, отдал распоряжение о переброске в Москву частей округа, на поддержку которых он еще рассчитывал, и во-вторых,—Викжель с начала восстания не был „нейтральным“, а активно поддерживал Временное правительство в борьбе с восставшими рабочими и солдатами.

Первая телеграмма дошла по назначению, и начальник гарнизона г. Шуи полковник Моравский наложил на ней резолюцию: „Командиру 237 полка. Исполнить“. Вторая телеграмма, принятая в Шуе 26 октября в 2 часа 5 минут, уже по назначению не дошла.

---

1 Фрунзе. Собр. сочинений. Т. I, стр. 521.
2 ЦГВИА, ф. 7917, оп. II, д. 11, л. 1704.
3 Ивгосархив, ф. 1605, д. 221/б, л. 50.

Полковник Моравский исполнить приказа Рябцева не успел. Правда, рота украинцев была направлена в Москву... но не по распоряжению Рябцева, а по приказу Фрунзе и, понятно, не для помощи Рябцеву, а против него.

Телеграммы Рябцева, о которых упоминает Фрунзе в своих воспоминаниях, поставили перед большевиками Владимирской и Костромской губерний вопрос о необходимости конкретной материальной помощи Москве.

По свидетельству соратника Фрунзе И. П. Волкова, „когда из Москвы в октябрьские дни стали поступать тревожные известия, над этим М. В. Фрунзе задумался. Придя вечером домой (мы с ним жили в одной квартире), он говорит, что „у меня созревает план пойти на помощь Москве“. Развивая мысль, тут же решил, что назавтра надо этот вопрос осуществить. Утром взялись, и был сформирован отряд из шуян, а также забили тревогу и в другие города—Иваново, Владимир“[1].

Это свидетельство Волкова не расходится с тем, что известно по этому поводу из воспоминаний Фрунзе. „В Шуе, как одном из крупнейших военных центров, мы,— писал Фрунзе,—немедленно же приступили по соглашению с Иваново-Вознесенском к формированию экспедиционного отряда из частей гарнизона и рабочих боевых дружин“[2].

Уже 27 октября из Шуи, Кинешмы запрашивали Москву: „не надо ли Москве помощи от нас“. На такой запрос и на заявление из Кинешмы, что „мы можем послать две-три маршевых роты“ последовал ответ: „оставайтесь спокойны, сепаратных выступлений не делайте“[3].

Казалось, в Москве все обстоит благополучно. Но вот 28 октября, когда с захватом в Москве Рябцевым почтово-телеграфного узла провинциальные города области стали забрасываться провокационными сообщениями, а связь с Облбюро ЦК РСДРП(б) и Московским Советом была прервана, тревога на местах усилилась. После неудачных попыток связаться по телеграфу и телефону с Москвой встал вопрос об установлении связи путем посылки в Москву и Петроград „связистов“.

---

1 Ивоблпартархив, ф. 281, св. 78, д. 298, л. л. 48—67. Воспоминания И. П. Волкова.

2 Фрунзе. „Собр. сочинений“. Т. I, стр. 521.

3 Партархив МК ВКП(б), ф. I, оп. I, д. IV, л. л. 123—124.

Этот вопрос 28 октября обсуждался на заседании Иваново-Вознесенского комитета партии, который для связи с центром выделил одного из своих членов[1]. В этот же день в Шуе на гарнизонном собрании Совета солдатских депутатов, полковых и ротных комитетов по предложению одного из членов „Революционного комитета пяти“ было постановлено послать делегации, в составе трех человек каждая, в Москву и Петроград „для передачи с мест известий о событиях, происходящих в Москве и Петрограде“[2].

На этом же собрании была принята „Инструкция об охране и активной защите революции“, о содержании и назначении которой можно судить по решению собрания в результате обсуждения ее:

„1) произвести проверку наличности оружия и боевых припасов, находящихся в Шуйском гарнизоне, и передать таковые в распоряжение полковых и ротных комитетов и под их ответственность;

2) все распоряжения командного состава должны исходить с ведома и согласия ротных и полковых комитетов по принадлежности;

3) на случай экстренных вызовов роты должны быть выделяемы полным составом — 250 человек;

4) назначить комиссаров в 89 и 237 полки“[3].

29 октября обстановка в Москве изменилась в пользу революционных войск: перейдя в наступление, они отбили почту и телеграф, отогнали юнкеров от Совета. И все же с информацией и связью по телеграфу обстояло плохо, телеграммы о положении дел в Москве в Шую, например, не поступали.

В этот день из Москвы было дано распоряжение Военно-революционным комитетам Тулы, Владимира и Иваново-Вознесенска о присылке на помощь москвичам революционных войск[4].

Во Владимире немедленно приступили к формированию отряда из частей Владимирского и Ковровского гарнизонов[5]. В Иваново-Вознесенске 29 октября вопрос

---

1 „1917 год в Иваново-Вознесенском районе“, стр. 262.

2 „Маяк“ № 5, 4 ноября 1917 г.

3 „Маяк“ № 5.

4 „Бюллетень Военно-революционного комитета городского района“ № 1; 30 октября 1917 г.

5 „1917 год. во Владимирской губернии“, стр. 117.

об оказании помощи Москве обсуждался на заседании Штаба революционных организаций.

При решении этого вопроса Штаб революционных организаций допустил ошибку. Вместо организации немедленной помощи рабочим Москвы Штаб революционных организаций постановил: „не ослаблять местный гарнизон, потому, что и здесь помощь может быть нужна, и до получения верных сведений из Москвы об истинном положении дел в Москве от посылки солдат воздержаться“[1].

Зато Фрунзе в тот же день от имени „Революционного комитета пяти“ издал приказ о назначении из состава Шуйского гарнизона трех маршевых рот, в том числе роты украинцев, в поход на помощь рабочим Москвы. Отряд должен быть в полной боевой готовности, снабженный довольствием и вооружением[2].

Член военной секции Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Тимашев был уполномочен Революционным комитетом для выдачи оружия из цейхгаузов гарнизона комиссарам 89 и 237 полков, при этом Тимашев обязан был, прежде чем приступить к выдаче оружия, к складам оружия нарядить и поставить усиленный караул[3].

Что речь шла об отправке экспедиционного отряда в Москву, об этом говорит тот факт, что 29 октября состоялось общее собрание 89 запасного пехотного полка, на котором обсуждался вопрос о „московских событиях“. Ораторов было много, говорили страстно. Собрание единогласно постановило помочь революционным войскам и революционному народу, защищающим революцию и свободу всего народа, революционные комитеты и Советы, и решило итти к ним на помощь, не останавливаться ни перед какой опасностью и быть готовыми в любое время к выступлению, по зову своих избранных представителей[4].

Хотя отряд был готов, однако с отправлением его произошла задержка.

---

1 „1917 год в Иваново-Вознесенском районе“, стр. 263.
2 ЦГВИА, ф. 7917, оп. II., д. 11, л. 1726.
3 Ивгосархив, ф. 1605, д. 2, л. 33.
4 Мособлархив, ф. 683, оп. 8, св. 18, д. 2, л. 40; „Маяк“ № 2, 31 октября 1947 г.

В ночь с 29 на 30 октября в Москве, под давлением Викжеля, было заключено перемирие между борющимися лагерями. Рассчитывая на „мирный исход“ борьбы, Московский Военно-революционный комитет, состоявший в большинстве из оппортунистических элементов, вместо того, чтобы использовать перемирие для пополнения своих сил за счет области, задерживал на месте те отряды, как Шуйский, которые уже были готовы двинуться на помощь Москве. Судя по приказам Военно-революционный комитет только 31 октября и 1 ноября дал указания на места о высылке подкреплений[1].

30 октября прошло в Шуе в ожидании приказа из Москвы об отправлении отряда.

В этот день Фрунзе провел ряд мероприятий, направленных на упрочение советской власти в Шуе. Одним из этих мероприятий было приведение к присяге офицеров гарнизона. При том настроении солдат, какое было в Шуе в Октябрьские дни, офицеры, пораженные успехом большевиков и боясь солдат, не решались поднять свой голос против советской власти и, принимая участие в собраниях, голосовали вместе с солдатами за резолюции о принятии и поддержке новой власти. Но, оправившись от испуга и подбодренные провокационными известиями и затяжкой борьбы в Москве, офицеры стали подавать свой голос и вести контрреволюционную работу среди солдат.

Чтобы парализовать контрреволюционную деятельность офицеров, следовало бы арестовать тех из них, которые себя уже показали как враги рабочих и солдат. Но этого сделано не было и не потому, что не хотели вести с ними борьбу.

Проявленная в Шуе мягкость к офицерам в первые дни Октябрьской революции не была исключением. По свидетельству товарища Сталина: „Когда большевики пришли к власти, они сначала проявляли по отношению к своим врагам мягкость“[2].

---

1 ЦГАОР, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. л 54, 55, 61, 62, 97, 100, 101. 31 октября были даны приказы Подольскому, Серпуховскому, Ржевскому, Казанскому Военно-революционным комитетам, 1 ноября—Мызораевскому, Тверскому, Шуйскому Военно-революционным комитетам.

2 Сталин. „Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом“. Партиздат, 1938 г., стр. 5—6.

В Шуе решено было парализовать контрреволюционную деятельность офицеров и изолировать явных врагов от солдат путем приведения офицеров гарнизона к присяге. 30 октября было созвано собрание офицеров с присутствием представителей полковых и ротных комитетов гарнизона. На собрании присутствовало свыше 300 человек, явились почти все офицеры.

Обсуждался вопрос о переходе власти к Советам и о подчинении этой власти офицеров.

Ораторы, выступавшие за власть Советов, сменялись ораторами, из которых одни, не говоря открыто против советской власти, находили восстание против правительства Керенского несвоевременным, другие — критиковали состав нового правительства.

В конце прений выступил М. В. Фрунзе, который в заключение своей речи именем нового, рабочего-крестьянского правительства поставил перед офицерами прямой вопрос: признают ли они новое правительство и подчиняются ли его власти, и предложил принять присягу советской власти. „Всем несогласным с происшедшим переворотом было предложено немедленно подать в отставку, причем гарантировалась полная безопасность“ (Фрунзе).

Устроили перерыв, во время которого офицеры совещались.

Когда собрание возобновилось, от их имени была оглашена, под бурные аплодисменты собравшихся, резолюция, в которой говорилось, что все присутствующие на собрании офицеры приветствуют переход власти к Советам, единодушно присоединяются к товарищам солдатам и готовы в каждый момент по первому требованию Совета итти на защиту нового правительства и, если надо, то умереть за него вместе с солдатами[1].

Принятие офицерами присяги — резолюции, конечно, не означало, что все они являлись сторонниками советской власти. Большинство офицеров являлись противниками советской власти, но они вынуждены были одеть маску, временно воздержаться от борьбы против советской власти и подчиняться приказам и распоряжениям Совета рабочих, солдатских и крестьянских депу-

---

1 „Маяк“ № 4, 2 ноября 1917 г.

татов и его органа „Революционного комитета пяти“, так как боялись солдат, идущих за большевиками.

Более крупным мероприятием, осуществлению которого Фрунзе посвятил свое внимание в этот день, являлось развертывание организации Красной гвардии.

На состоявшемся 30 октября общем собрании фабрично-заводских комитетов после обсуждения доклада о „текущем моменте“ был заслушан доклад Фрунзе „О Красной гвардии“.

В своем докладе Фрунзе пояснил собравшимся сущность Красной гвардии, ее цели и ближайшие задачи в ближайшие дни и предложил, чтобы каждый фабрично-заводской комитет выделил комиссию для записи желающих вступить в ряды Красной гвардии[1].

Насколько вопрос об организации рабочей Красной гвардии назрел и был понятен рабочим, видно из того, что доклад Фрунзе не вызвал никаких прений. Сразу же после собрания на предприятиях Шуи фабрично-заводские комитеты выделили комиссии и была развернута работа по вовлечению рабочих в ряды Красной гвардии. Так, фабрично-заводской комитет Товарищества Шуйской Мануфактуры на своем заседании 31 октября постановил: для организации Красной гвардии создать комиссию из трех лиц и выбрать в нее по одному человеку от каждой фабрики. Тут же были избраны в комиссию двое мужчин и одна женщина[2].

Газета „Маяк“, освещающая ход организации Красной гвардии, отмечала, что „желающих записаться очень много“[3]. Записывались не только мужчины, но и женщины, не только взрослые, но и подростки. В связи с наплывом в ряды Красной гвардии молодежи вопрос о принятии в Красную гвардию лиц в возрасте 16—17 лет обсуждался на собрании фабрично-заводских комитетов 30 октября. Собрание, „принимая во внимание, что каждый гражданин может при желании сознательно защищать родину и революцию, постановило лиц 16—17-летнего возраста в гвардию принимать“[4].

31 октября состоялось общее собрание Красной гвардии, на котором обсуждался ряд вопросов и преж-

1 „Маяк“ № 7, 7 ноября 1917 г.
2 Ивгосархив, ф. 708, д. 2, л. 38.
3 „Маяк“ № 5, 4 ноября 1917 г.
4 „Маяк“ № 7, 7 ноября 1917 г.

де всего вопрос о введении дисциплины в рабочей Красной гвардии. На собрании было постановлено: ввести строжайшую дисциплину. Каждый красногвардеец должен исполнять свой долг. Ни один проступок, ни одна ошибка красногвардейца не должны проходить безнаказанно. Все красногвардейцы должны находиться под контролем организации РСДРП(б) и Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, чтобы в Красную гвардию не попали лица, которые не смогут оправдать своего назначения, или те, которые не только не в состоянии выполнить этой трудной задачи, а наоборот, по тем или иным причинам могут нанести ущерб данной организации.

Каждое лицо, записавшееся в Красную гвардию, должно учитывать ту строгую ответственную задачу, которая на него будет возложена, и все то, что его может ожидать в будущем. Было решено приступить к военным занятиям: штабу Красной гвардии поручено подобрать инструкторов, а также обеспечить красногвардейцев оружием[1].

В тот же день штаб Красной гвардии обратился в „Революционный комитет пяти" с просьбой дать разрешение на получение 200 ружей и к ним 200 обойм учебных патронов из запасов 667 пешей Тамбовской дружины и находящихся в Шуе полков. На отношении штаба Красной гвардии Фрунзе наложил резолюцию: „Разрешаю"[2].

Проводя отмеченные мероприятия, Фрунзе был в то же время полон дум и заботы о Москве. Его волновал вопрос: что происходит в Москве?, так как „никакой сколько-нибудь точной информации о положении дел в Москве" попрежнему не поступало.

Он понимал, что в Москве борьба за власть Советов приняла затяжной характер, но почему из Москвы не дают сигнала о необходимости помощи, это ему было непонятно. Быть дальше в таком неопределенном положении Фрунзе считал невозможным. У него созрело решение — выехать в Москву, чтобы выяснить обстановку и получить ответ на мучивший вопрос: нужна ли помощь?

---

1 „Маяк" № 7, 7 ноября 1917 г.
2 Ивгосархив, ф. 1605, оп. II, д. 2, л. 32.

По рассказу И. И. Короткова, стоявшего в это время во главе Тейковской организации большевиков. Фрунзе приехал в Иваново-Вознесенск, где состоялось совещание, на котором были представлены: Иваново-Вознесенск, Шуя, Кинешма, Тейково. На этом совещании шла речь о помощи Москве. Фрунзе говорил: „Что происходит в Москве — толком не пойму, одно несомненно, что там произошла затяжка. На предложение о помощи отвечают: скажем, когда потребуется... „Как Фрунзе, так и другие, присутствующие на совещании, говорили, что ждать нечего, надо ехать в Москву [1]. „Решено было побывать там и выяснить обстановку. В Москву поехал я сам",—отмечает Фрунзе в своих воспоминаниях.

Довольно подробно описывая свою поездку в Москву, Фрунзе замечает, что „выехал, кажется, 28 октября вечером". На самом деле он выехал вечером 31 октября. Что до вечера 31 октября Фрунзе находился в Иванове-Вознесенском районе, подтверждается тем, что, во-первых, с 26 по 31 октября он почти ежедневно выступал с речами и докладами на собраниях и митингах в Шуе и, во-вторых, — его резолюциями и подписями в эти дни на разного рода документах шуйских учреждений и организаций.

Об этом же говорит и то, что 1 ноября в газете „Маяк" на первой странице было помещено объявление, в котором говорилось, что Фрунзе на время своего отсутствия обязанности председателя с правом издания приказов по Шуе и уезду передал уездному комиссару.

Утром 1 ноября Фрунзе прибыл в Москву на Нижегородский вокзал и стал пробираться на Тверскую, где находился Военно-революционный комитет. „В комнате ревкома, — писал Фрунзе, — застаю четырех-пяти человек усталых, видимо, не спавших уже несколько ночей. Даю краткую информацию о положении дел в губернии. Указываю на то, что провинция начинает нервничать по поводу затяжки борьбы в Москве, и спрашиваю, не нужна ли помощь. Мне отвечают утвердительно и предлагают детально переговорить с революционным штабом. Штаб помещается в одной из соседних комнат. Направляюсь туда".

1 Воспоминания И. И. Короткова. Записано мною. М. З.

В штабе, „переговорив и получив указания относительно чрезвычайной необходимости немедленных подкреплений“, Фрунзе позаботился прежде всего о передаче полученного приказания в Шую. Приказ Московского Военно-революционного комитета Шуйскому Военно-революционному комитету, помеченный датой 1 ноября, гласил, чтобы немедленно были высланы в Москву 500 солдат в полном вооружении и снаряжении[1].

После передачи полученного приказа в Шую Фрунзе вскоре оказался на боевом участке и принял непосредственное участие в боях за гостиницу „Метрополь“.

По его рассказу произошло это следующим образом: „Было около 11—12 часов дня. Ближайший поезд отходил вечером. Таким образом, у меня было в распоряжении около шести -семи часов... В момент моего выхода из штаба у крыльца строилась какая-то часть, человек 80—100, почти исключительно рабочих. Отряд, видимо, собирался двинуться на боевые позиции. Пока я занимался наблюдениями над перестроениями, надо сказать, делавшимися очень плохо и доказывавшими, что многие держат в первый раз ружье в руках, кто-то окликает меня. Присматриваюсь и узнаю т. Могилевского, известного мне по Западному фронту. Он предлагает присоединиться к отряду и двинуться с ним на позиции. Охотно соглашаюсь, беру у Могилевского винтовку и пристраиваюсь... Двигаемся. С площади идем в переулочек по направлению к Петровке. Идем колонной в четыре ряда. При выходе на Петровку перестраиваемся и двигаемся узкой лентой в два ряда по тротуарам. Улица совершенно пуста. Все окна домов, выходящие на нее, закрыты. Тишина лишь изредка прерывается грохотом где-то неподалеку раздающихся орудийных выстрелов, резким токаньем пулеметов со стороны Кремля да взвизгиванием вдоль улиц пуль. Погода пасмурная, слегка морозно...

Подходим к Большому театру. Здесь расположен перевязочный отряд, со стороны „Метрополя“ тащат носилки с ранеными... Оглядываюсь по сторонам. Справа от Большого театра, со стороны сада, выходящего по направлению к Тверской, стоит трехдюймовка. У орудия -артиллерист, свернувшись калачиком за ору-

1 ЦГАОР, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 101.

дийным щитом. Все пространство непрерывно и часто обстреливается откуда-то со стороны Кремля и Городской думы.

При выходе с Большого Кузнецкого переулка на Театральный проезд — второе орудие. Через несколько времени получается приказание двигаться вперед. Отряд разбивается на группы, так как теперь приходится проходить по обстреливаемым пространствам. Двигаемся. При пересечении Петровки делаем перебежку поодному. Кое-кто падает. Выбегают санитары, подхватывают и уносят. Скапливаемся против здания „Метрополя"... Отряду, вместе с другими группами, дана задача выбить противника из „Метрополя". С кремлевских стен и здания Городской думы противник развивает бешеный огонь, непрерывно стреляет пулемет и трещат орудийные выстрелы... Врываемся в здание. Белых уже нет. Осматриваюсь кругом: везде валяется брошенное оружие, винтовки, патроны в сумках, несколько наших ранено. Побродив по коридору, присел на одном из окон отдохнуть. В ушах все еще раздавался треск выстрелов, закрыл глаза, и показалось, что все происходящее — не действительность, а какой-то сон. Вспоминаю о том, что мне надо еще ехать, и иду обратно к штабу... У здания штаба вижу большую группу, окруженную конвоирами. Подхожу. Оказывается, привели пленных, захваченных, насколько помню, на Центральной телефонной станции... Расспросив конвоиров относительно пленных, направляюсь к вокзалу. Вечером благополучно выезжаю обратно к себе"[1].

Этот рассказ Фрунзе требует некоторых пояснений, так как он расходится с тем, что имеется в исторической литературе о великих Октябрьских днях 1917 г. в Москве по двум вопросам, во-первых, по вопросу о дне очищения революционными войсками гостиницы „Метрополь" и, во-вторых, о роли „отряда Фрунзе" в помощи москвичам в Октябрьские дни 1917 г.

По вопросу о времени очищения гостиницы „Метрополь" от юнкеров имеются прежде всего расхождения в источниках. По данным разведки Московского Военно-революционного комитета „Метрополь" был занят

1 Цитирую по книге Сиротинского „М. В. Фрунзе", „Военный вестник", 1928 г., стр. 86—92.

революционными войсками 2 ноября утром. Эти данные, как неопровержимые, и стали достоянием исторической литературы об Октябрьских днях 1917 г. в Москве.

В 1942 г. вышла „Летопись Великой Октябрьской революции", в которой на основании выходивших в Москве в дни октябрьского восстания газет „Социал-Демократ" и „Известия Московского Совета" взятие гостиницы „Метрополь" отнесено к 31 октября. Действительно, в газете „Социал-Демократ" за 2 ноября 1917 г. в сводке о „Событиях в Москве" читаем: „31 октября вечером революционными войсками взята гостиница „Метрополь" и Продовольственная управа".

По рассказу Фрунзе о поездке в Октябрьские дни в Москву и об участии в боях за гостиницу „Метрополь", последняя была занята революционными войсками днем 1 ноября.

Относительно свидетельства Фрунзе можно было бы сказать, что он в вихре событий Октябрьской революции запамятовал то, что был в Москве не один, а два дня и что в боях за „Метрополь" он принимал участие не 1, а 2 ноября. Однако, по имеющимся данным, он пробыл в Москве лишь один день, так как спешил в Шую, чтобы, если отряд на помощь Москве еще не выступил, то немедленно двинуть его.

О том, что Фрунзе принимал участие в боях за „Метрополь" 1 ноября, можно сослаться на следующее:

1. В 8 часов 40 минут утра 1 ноября с театрального боевого участка начальник отряда доносил штабу Военно-революционного комитета, что для перехода в наступление необходимо отдать приказ о наступлении Охотнорядского отряда, о том, чтобы Лубянский и Охотнорядский отряды „завязали с ними связь", и просил прислать отряд в сто человек, вооруженных винтовками и штыками. „С имеющимися силами,—писал он,—можем открыть огонь по „Метрополю", занятому неприятелем, и прикрывать артиллерию... Открываем огонь"[1].

Очевидно Фрунзе и принял участие в наступлении на „Метрополь" как раз с тем отрядом (80—100 человек), который был послан штабом Военно-революцион-

---

1 ЦГАОР, ф. I, оп. 1, д. 4, л. 96.

ного Комитета на театральный боевой участок в 11—12 часов дня 1 ноября.

2. Фрунзе упоминает о том, что когда он, после боя за „Метрополь“, вернулся к штабу Военно-революционного комитета, то увидел группу пленных, „захваченных... на центральной телефонной станции“. А, как известно, центральная телефонная станция была взята революционными войсками 1 ноября и захваченные там в плен белогвардейцы были доставлены в штаб Военно-революционного комитета, у здания которого и видел их Фрунзе вечером 1 ноября.

Что касается занятия революционными войсками здания „Метрополь“ 1 ноября, то и в этой части рассказ Фрунзе подтверждается, правда, свидетельством белогвардейца Н., автора записки об октябрьских боях 1917 г. в Москве.

Описывая ход боевых действий в Москве 1 ноября, он отмечает: „около полудня юнкера покинули отель „Метрополь“, где они держались почти неделю, и ушли в Кремль“[1].

Уцелевшие и сохранившиеся данные разведки штаба Военно-революционного комитета, не подтверждая этого, однако говорят, что днем 1 ноября происходила ожесточенная борьба за „Метрополь“.

Последнее донесение разведки революционных войск о „Метрополе“ за 1 ноября было в 14 часов 20 минут; оно гласило: „Гостиница Метрополь“ изрешетчена, но все же оттуда стреляет пулемет, отвечая артиллерии. Бьет по орудию у театра. А также вдоль Неглинного проезда“[2]. После этого донесения до 6 часов 20 минут 2 ноября о боях за „Метрополь“ никаких сведений в архиве разведки штаба Военно-революционного комитета нет. Два донесения 2 ноября (в 6 часов 20 минут и 9 часов 10 минут утра) говорят о новых боях за „Метрополь“. И наконец в донесении в 11 часов 30 минут дня отмечается: „Метрополь“ и Ильинские ворота заняты сегодня утром“[3].

Противоречие, имеющееся в источниках по вопросу о времени занятия революционными войсками гостини-

---

1 „Октябрьское восстание в Москве“, Госиздат, 1922 г., стр. 226.
2 ЦГАОР, ф. I, оп. 1, д. 4, л. 120.
3 ЦГАОР, ф. I, оп. 1, д. 4, л. л. 147, 149, 155.

цы „Метрополь“, может быть окончательно разрешено лишь при подробном рассмотрении хода борьбы за этот важный опорный пункт белых в октябре 1917 г. На основании же изложенных фактов можно сделать следующий вывод.

Как известно, борьба за „Метрополь“ носила, особенно 31 октября и 1 ноября, упорный характер. Юнкера, отчаянно сопротивляясь, стремились удержать в своих руках „Метрополь“. В ходе боев революционные войска врывались в здание „Метрополь“, но полностью очистить его от белых им удалось лишь 2 ноября.

Обратимся к вопросу о помощи отряда Фрунзе рабочим Москвы в Октябрьские дни 1917 г.

Фрунзе, как видно из приведенного отрывка из его воспоминаний, прибыл в Москву 1 ноября утром без отряда. Связавшись с Военно-революционным комитетом и выяснив необходимое, он, как подлинный революционер, окунулся в водоворот происходящих в Москве событий и с винтовкой в руках принял участие в боях за „Метрополь“. Вечером 1 ноября он выехал обратно в Шую, чтобы немедленно двинуть на помощь Москве организованный им отряд, если он еще не выступил. Вернувшись 2 ноября в Шую, Фрунзе отряда не застал, он уже был в пути в Москву. Это произошло по следующей причине.

Перед отъездом в Москву, 31 октября, Фрунзе дал приказ Начальнику гарнизона, полковым комитетам, командирам и комиссарам 89 и 237 полков о том, чтобы они, во исполнение приказа от 29 октября, произвели 1 ноября в 13 часов посадку в вагоны трех маршевых рот. Роты должны быть в полной боевой готовности, снабженные довольствием и снаряжением, переименованными в приказе от 29 октября[1].

Это показывает, что, уезжая в Москву для выяснения обстановки, Фрунзе рассчитал, что он будет в Москве утром 1 ноября, свяжется с Военно-революционным комитетом и если получит указание относительно необходимости помощи, то немедленно даст приказание в Шую. Отряд, посаженный в вагоны, с получением телеграммы двинется в путь. Расчет полностью оправдался. В Шуе, во исполнение указания Фрунзе и

1 ЦГВИА, ф. 7917, оп. II, д. 11, л. 1726.

приказа Московского Военно-революционного комитета, 1 ноября состоялись проводы отряда.

Через несколько дней в газете „Маяк" была помещена статья под заголовком „На защиту революции", в которой дано описание проводов отряда. В начале статьи автор, отмечая, что „1 ноября для Шуи день исторический, день торжества революционной демократии", писал, что в этот день рабочие и солдаты Шуйского гарнизона доказали, что они не только могут выносить и голосовать за бумажные резолюции. Они доказали, что от слов к делу „они также могут приступить скоро, они по первому зову своих товарищей вождей выступили дружно в поход на борьбу со своими вековыми угнетателями".

По приказу Фрунзе в состав отряда из частей гарнизона вошли: одна рота 89 полка, одна рота 237 полка и украинская рота того же полка „со своим национальным знаменем". Кроме солдат в отряде были рабочие-красногвардейцы. Общая численность отряда достигала 900 человек. На вокзал для проводов отряда собралось много рабочих, работниц, прибыли члены Революционного комитета, Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, фабрично-заводских комитетов и других организаций с революционными знаменами и флагами. Перед отправлением эшелона состоялся митинг. С прощальными и напутственными речами выступили Волков, Моисеев и другие, которые в кратких словах указали на создавшееся положение в Москве и на задачи, стоящие перед рабочими и солдатами, твердо и убедительно призывали их не уступать своих завоеваний. Выступавшие от уезжающих солдат и рабочих, прощаясь, поклялись, что они свято выполнят все задачи, или победят, или погибнут за свободу, дорогую всему трудовому народу. „Наконец раздался звонок, заиграла музыка, и поезд тихо тронулся под звуки „Марсельезы" и тысячи голосов, кричавших прощальное слово... Вот здесь-то,—заключает автор статьи,— и сказалась вся связь, вся сила нашей великой революции. Здесь выяснилась вся мощь и желание народа. Здесь невидимые нити связывали всех, все горели одной любовью, любовью человеческой, братской, поистине велик и могуч ты, русский народ"[1].

---

1 „Маяк" № 6, 5 ноября 1917 г.

Эшелон отправился из Шуи в 8 часов 30 минут вечера. В пути ему пришлось, задерживаясь, преодолевать препятствия. Участник экспедиционного отряда тов. Зайцев рассказывает: „До Новок доехали благополучно. В Новках произошла задержка. Начальник станции, выполняя директиву Викжеля, не хотел пропускать. Пришлось припугнуть, после чего хотя и со скандалом пропустил. Прибыли во Владимир, там к нам присоединились солдаты местного гарнизона. По пути из Владимира на одной небольшой станции опять задержка. Оказалось, что начальство станции скрылось, а машинист без путевки и жезла вести эшелон отказывался, мотивируя тем, что в пути может произойти встреча с другим поездом. Все же, после уговоров, согласился. Ехали медленно. Когда доехали до последней станции перед Курским вокзалом, то решили связаться с последним. Двинулись вперед, когда узнали, что Курский вокзал в руках красных. Когда прибыли на Курский вокзал, было три-четыре часа дня. Высадились и пошли к Московскому Совету. Там перед нами выступали с речами, а затем отвели в казармы"[1].

Что отряд прибыл в Москву на Курский вокзал в три-четыре часа дня 2 ноября, подтверждается сохранившимся в архиве Московского Военно-революционного комитета предписанием одному из членов комитета, которому 2 ноября было приказано отправиться на Курский вокзал для встречи революционного отряда в составе 2000 человек. На предписании имеется пометка: „Выполнено в 4 часа дня 2/XI"[2]. А что в предписании речь шла о встрече „отряда Фрунзе", об этом говорит сообщение в газете „Социал-Демократ" от 3 ноября. „На помощь революционным войскам,—говорится в этом сообщении,— прибыло из Владимира 2000 солдат в полном боевом вооружении и снаряжении. Весь эшелон состоит из „фронтовиков", пробывших на позициях по два-три года".

Отряд прибыл в Москву, когда там бои уже заканчивались, когда „Метрополь" уже окончательно был очищен от белых и революционные войска подступили к Кремлю. Шли бои еще на некоторых других участках. В ликвидации последних очагов сопротивления белых вече-

1 Воспоминания А. И. Зайцева. Записано мною **М. З.**
2 ЦГАОР, ф. I, оп. I, д. 3, л. 125.

ром 2 ноября приняли участие шуйские, ковровские и владимирские солдаты и рабочие. С очищением от юнкеров Кремля, 3 ноября, по приказу Военно-революционного комитета одна из рот полка, „прибывшего из Шуи“, была назначена для несения караульной службы в Кремле[1]. Пробыл в Москве отряд до 9 ноября. 11 ноября в газете „Маяк“ была помещена заметка, в которой говорилось: „Вчера возвратились из Москвы шуйские революционные войска. Войска привезли трофеи побед, пулемет, который, по слухам, намерены сдать местному революционному комитету“.

Останавливаясь на оценке помощи отряда москвичам, Фрунзе писал:

„Как потом мне передавали, прибытие нашего владимирского подкрепления сыграло в ходе борьбы довольно крупную роль,—правда, больше морального, чем материального характера. Когда отряд подходил к Москве, то на Нижегородском вокзале и прилегающих районах распространился слух, что идут с фронта войска Керенского для подавления большевистского восстания. Такое представление создалось ввиду действительно настоящего походного боевого вида нашего отряда. Тем резче проявился перелом, когда узнали, что это не войска Керенского, а, напротив, прибыли революционные войска для того, чтобы поскорее покончить с сопротивлением белых“.

Пока отряд находился в Москве, большевики Иваново-Вознесенского района „уже взялись за текущую организационную работу и, не имея указаний из центра, принялись сами строить новую жизнь“ (Фрунзе). Началась энергичная работа по организации Советской власти. На этом новом этапе своей жизни и деятельности Фрунзе показал себя как один „из самых смелых и самых разумных строителей нашей страны и нашего государства“(Сталин).

---

1 ЦГАОР ф. I, д. 3, л. 134. Приведенные факты показывают, что имеющееся в исторической литературе по Октябрьским дням 1917 г. в Москве утверждение о том, что „Отряд Фрунзе“ утром 2 ноября принимал участие в очищении гостиницы „Метрополь“, не соответствует действительности. См. Чебарин „Октябрьские бои 1917 г. в Москве“, „Московский рабочий“, 1939 г., стр. 124, 126—127; Борисов „Фрунзе“ и др.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Художник И. Т. Колочков.

Подписано к печати 13/IX 1947 г. КЕ. 01723. Печ. л. 5 ½ Уч. изд. л. 4,3. В печ. л. 34400 тип. зн. Тираж 7000 экз. Цена 1 р. 10 к.
Типография издательства Ивановского областного совета депутатов трудящихся, г. Иваново, Типографская, 4. Заказ 5347.

Опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
10	18 снизу	668	667
14	1 сверху	аткже	также
27			Нумерацию сносок надо читать: 1, 2, 3, 4
29	4 сверху	известность	известности
56	12 снизу	г. Тезино	с. Тезино
71	10—11 сверху	подсавления „впыхнувших	подавления „вспыхнувших

ОГЛАВЛЕНИЕ

Художник И. Т. Колочков.

Подписано к печати 13/IX 1947 г. КЕ. 01723. Печ. л. 5 ½ Уч. изд. л. 4,3. В печ. л. 84400 тип. зн. Тираж 7000 экз. Цена 1 р. 10 к.
Типография издательства Ивановского областного совета депутатов трудящихся, г. Иваново, Типографская, 4. Заказ 5347.

4

1 р. 10 к.